

POBЕCHUK

Январь, 1977 год, № 1

На первой странице обложки: Куба, свободной территории Америки, в этом месяце — восемнадцатый лет. Столько же, сколько этой прелестной девушки, открывающей на острове Пинос традиционный кубинский праздник — родео.

Фото
С. Петрухина

2. ТЕПЛОЕ ДЫХАНИЕ СИБИРИ. ИНТЕРВЬЮ «РОВЕСНИКА»
4. Патрик Жарро, РОДЕЗИЯ, «ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ»?
7. Эдвард Хоугленд. КУДА ДЕЛИЛИ ВСЕ НАШИ ГЕРОИ?
9. А. Секин. ПЛАЧ ПО ГЕРОЮ
11. И. Горелов. ЯВКА НА ПЛОЩАДИ САН БАБИЛА
14. Владимир Цетов. КООРДИНАТЫ ДЛЯ ЯМАКАВЫ
16. Т. Голеньковский. ПОД СТЕКЛЯНЫМ КОЛПАКОМ МИРОВ
19. Азарий Мессерер. НА СТАНЦИИ ПОД НАЗВАНИЕМ «КРИЗИС»
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. Ларри Кинг. «Я — УБИЙЦА!»

«КУДА ДЕЛИЛИ ВСЕ НАШИ ГЕРОИ?» — РАЗМЫШЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ

и другие материалы о «героях», предлагаемых сегодня западным обществом.

МОСКВА. В целях широкого развертывания подготовки комсомольцев, всей советской молодежи к XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов на Кубе, дальнейшего усиления интернационального воспитания подрастающего поколения, борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов в ноябре 1976 года создан и приступил к работе Советский подготовительный комитет.

Председателем комитета утвержден первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников, его заместителем — председатель Комитета молодежных организаций СССР Г. И. Янаев. В состав СПК вошли лучшие представители советской молодежи — молодые рабочие, колхозники, работники науки и искусства, студенты, видные государственные и общественные деятели.

ЛУАНДА. Первый год независимости Народной Республики Ангола прошел под лозунгом «Труд, дисциплина, бдительность». Мирный труд освободившегося от колониального ига народа, его энтузиазм и творчество приносят зримые плоды. Объединившаяся в организацию ЖМПЛА передовая молодежь, студенты успешно работают над восстановлением страны, овладевая трудным искусством строительства новой жизни.

На снимке: на одном из предприятий столицы Анголы.

БРАЗИЛИЯ. Начальные школы Бразилии в этом году снова не могут принять всех желающих учиться. Такое положение сохранилось до 1981 года, сообщает отдел планирования министерства просвещения и культуры. Результаты исследований, проведенных министерством, показывают, что из каждой тысячи детей, поступивших в первый класс, законченное среднее образование получают лишь 77 человек: не хватает мест в школах, учителей, истощенные постоянным недоделанным работам не способны осилить программу, многие семьи вынуждены посылать малолетних сыновей и дочерей работать.

НЬЮ-ЙОРК. Не массовом митинге в поддержку справедливой борьбы чилийского народа против злодеяний кровавой хунты Пиночета представитель национального координационного центра солидарности с Чили Сэнди Поллак заявила, что только за один месяц в этой латиноамериканской стране были репрессированы более 3 тысяч человек, а 200 занесены в список «подлежащих устранению», иными словами, должны быть попросту убиты. После митинга его участники прошли по улицам Нью-Йорка, перед зданием ООН, скандируя: «Чили — да! Хунта — нет!»

На снимке: «Чили будет свободной!» — такой плакат можно было видеть на митинге в Нью-Йорке.

**ТОВАРИЩУ Л. И. БРЕЖНЕВУ,
ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

В день Вашего семидесятилетия передаем Вам от имени Всемирной федерации демократической молодежи горячие поздравления и самые наилучшие пожелания.

Демократическая молодежь хорошо знает Ваш выдающийся вклад в дальнейшую разработку и претворение в жизнь ленинской политики КПСС, в развитие советского социалистического государства, в расширение дружбы и сотрудничества между народами. С глубоким удовлетворением воспринимает молодежь мира Ваши неустанные усилия, направленные на укрепление единства позиций и влияния социалистического сотрудничества, сплоченности международного коммунистического и рабочего движения, Вашу неоценимую поддержку борьбы народов за свободу и национальную независимость, прочный мир и безопасность народов.

Вся Ваша плодотворная деятельность направлена на разрешение насущных проблем современности, на обеспечение лучшего будущего человечества, жизненно важного для молодого поколения.

Ваше пристальное внимание к развитию международного молодежного движения, Ваша постоянная забота о воспитании молодежи в духе борьбы за мир, демократию и прогресс вселяют в нее твердую уверенность в славной победе благородных идеалов социализма. Для миллионов и миллионов юношей и девушек наших дней вся Ваша жизнь и работа представляют собой яркий пример героической борьбы за мир.

Бюро ВФДМ обращается и Вам с искренним от всего сердца словом благодарности за постоянную заботу и поддержку нашей организации, за Вашу высокую оценку ее деятельности. Позвольте нам в этот знаменательный день заверить Вас в том, что Всемирная федерация демократической молодежи будет и в дальнейшем активно бороться за мир, дружбу, демократию и социальный прогресс.

**БЮРО ВСЕМИРНОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

**ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС
ТОВАРИЩУ Л. И. БРЕЖНЕВУ**

От имени миллионов студентов во всем мире горячо и сердечно поздравляем Вас, выдающегося революционера, вождя Коммунистической партии и народа Страны Советов, с 70-летием со дня рождения.

Для демократического и прогрессивного студенчества мира Ваша жизнь является замечательным примером героического служения революционному долгу, беззаветной преданности благородным идеалам коммунизма и пролетарского интернационализма, делу мира, демократии и социального прогресса.

Огромен Ваш личный вклад в то, чтобы человечество было навсегда избавлено от угрозы новых войн, чтобы в практике международной жизни утвердился климат взаимопонимания и сотрудничества, чтобы безвозвратно ушла в прошлое эпоха «холодной войны» и конфронтаций и было надежно обеспечено мирное и счастливое будущее народов.

Мы видим в Вас замечательного представителя героического поколения, возмужавшего в битвах гражданской войны, отдавшего мир молодых сердец стройкам первых пятилеток, вышедшего на своих плечах основную тяжесть Великой Отечественной войны, поколения, сыгравшего неоценимую роль в развитии Страны Октября в самое могучее государство современного мира.

Сегодня в Вашем лице мы приветствуем весь великий советский народ, добившийся выдающихся успехов в деле построения коммунистического общества.

В день Вашего 70-летия от всего сердца желаем Вам, дорогой Леонид Ильич, здоровья, долгих лет жизни и плодотворной работы на благо советских людей и всего прогрессивного человечества.

**СЕКРЕТАРИАТ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА СТУДЕНТОВ**

ТЕПЛОЕ ДЫХАНИЕ СИБИРИ

В октябре прошлого года у нас в стране состоялся Международный семинар по проблемам молодежной печати, организованный КМО СССР. Участники семинара — сотрудники коммунистических и прогрессивных молодежных изданий — побывали в Москве, Ленинграде, Иркутске, Вратске, Усть-Илимске. По просьбе редакции «Ровесника» несколько журналистов из этой группы рассказали о своих впечатлениях от поездки по СССР в нашу знаменитую для всех советских людей года — юбилейного 60-го года Советской власти.

Журналисты, как это ни парадоксально на первый взгляд, — пожалуй, самая неудобная публика для интервьюирования. Дело в том, что, исполняя непривычную для себя роль отвечающего на вопросы, журналист остается журналистом. Он и к интервьюируемому прислушивается внимательно и ревниво, и себя слушает, как строгий редактор, машинально, хотя и из лучших побуждений, правя, сокращая, корректируя — словом, как бы заранее обрабатывает будущий материал за своего собеседника. А такая «помощь» далеко не всегда устраивает того, кто ведет интервью.

Об этом я и думал, входя в дверь с табличкой «524» на пятом этаже московской гостиницы «Юность». С хозяином комнаты, высоким, симпатичным южаном в очках, меня познакомила еще накануне: Альберто Флорес, сотрудник итальянской молодежной коммунистической газеты «Нуова дженерация» («Новое поколение»).

С ЧЕГО НАЧНЕТ СВОЙ РАССКАЗ АЛЬБЕРТО

— Альберто, если не секрет, с чего ты начнешь свой материал о поездке в СССР?

Альберто удовлетворенно хмыкает: неожиданно он почувствовал преимущество отвечающего перед спрашивающим. Хочешь — отвечай, хочешь — нет.

— Не знаю пока... Можете, вот с этого интервью: как считаете, коллеги?

— Не жадничай, Альберто! Выкладывай...

— Ну, тогда с самого яркого впечатления — от встречи со строителями БАМА. В эти ребята столько задора, рвения в работе, духа коллективизма! Главное, они уверены в себе, в своем будущем. И какой тут видишь контраст, когда сравниваешь с итальянской молодежью. Только неверно такое сравнение: какой уж тут задор, если работы попросту нет? У нас, в Италии, чуть не 800 тысяч молодых безработных, а те, кому повезло, часто работают не по специальности...

...Жаль, конечно, времени малоовато было, чтобы лучше разобраться в характере вашей молодежи. Но и его хватило, чтобы убедиться, сколько у нас еще предвзятого, надуманного. Я, например, считал, что молодежь в Советском Союзе, как бы это сказать, излишне серьезна, что ли, вежлива, не радостна. А все как раз наоборот: и общительная, и живая, и смеяться любит... Вот примерно с этого я и начал свою статью.

— Совпала ли твои представления об СССР с тем, что довелось увидеть?

— И да и нет. С одной стороны, я много читал о Советском Союзе, о ваших достижениях. Так что кое-какое представление имел. И все же Сибирь меня просто

На снимке: участников Международного семинара по проблемам молодежной печати принял в Кремле Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР товарищ А. П. Шитиков.

поразила. Мм, итальянцы, дуем о ней только как о крае снегов и тайги. А тут такое увидели — Усть-Илимскую ГЭС, Братск, это все просто здорово! Теперь мне стало понятно, что конкретно вы имеете в виду, когда говорите, что Си-

бирь, бывшая при царизме местом ссылки революционеров, превращена за годы Советской власти в высокоразвитый край.

— Катя, Альберто, какие вопросы на моем месте сейчас задаваа бы ты?

— Да, пожалуй, те же самые... Вот, может, еще о новом семинаре?

— Считай, что я его уже задавал.

— Очень полезное дело. Думаю, семинар положил начало будущему более тесному и эффективному сотрудничеству между прогрессивными молодежными изданиями. Хорошо бы проводить такие встречи и впредь, они помогут прогрессивным молодежным организациям в их борьбе за мир и права молодежи.

«ФАНТАСТИКА, НЕ ТАК ЛИ?»

И на этот раз и в гостях у очень симпатичного человека... Читатель может удивиться: повторяется автор. Совершенно. А что поделалось, если повторился, к моему удовольствию, сама ситуация.

Ее зовут Донна Мак-Ларен, работает в газете «Ауар тайм» («Наше время»), издаваемой Союзом социалистической молодежи Австралии. У Донны застенчивая улыбка, манера заканчивать свою мысль мягким «Не так ли?». Но в разговоре с ней сразу чувствуешь, что это человек с характером, с твердыми, устойчивыми убеждениями. И еще Донна человек увлекающийся, эмоциональный, мне, собственно, и спрашивать-то ее не приходилось.

При слове «Сибирь» на тебя в Австралии смотрят как на чужака: «Господи! И ты осмеливаешься поехать в Сибирь!»? Еще бы: раз Сибирь, значит — дикая тайга, руины да копы, да страшные морозы. Представляете удивление австралийца, когда он попадает на сибирские стройки? Фантастика! Глазам собственным не веришь. Не так ли? Я, конечно, читала и знала о том, что такое ударный труд, ударные стройки, а все равно — это была встреча с чем-то совершенно новым, неизвестным у нас, в Австралии. У нас дух перепрокодеж, пионер да еще выстрелит. А тут, в край, где люди поселились гораздо раньше, чем на нашем материке, сейчас, в 1976 году, мы увидели настоящих пионеров, и молодых и пожилых. Удивлен людей, которым нравится начинать с нуля, на голом, диком месте. Удивительно, не так ли? Я разговаривала с одним молодым инженером. Он приехал на БАМ на Ленинград. Ему сначала надо было завершить работу над каким-то проектом в Ленинграде в течение пяти лет. Но он так влюбился в Сибирь, что, работая, не переставал думать о ней. Другой молодой человек мне сказал: «Знаете, как это здорово! Едешь на поезд и говоришь себе: а этот вот участок я своими руками каа!» Мне кажется, я его понимаю: законная гордость за свою работу, не так ли? Причем никакой позы, все это говорится спокойно, как само собой разумеющееся. Нам встретился юноша, который даже горевал: прибыл на место назначения, а там уже готовый город, ничего не надо осваивать.

...Молодежь и старшее поколение трудятся у нас вместе дружно. Я слишком недавно побывала у вас, чтобы делать категоричные выводы на этот счет, но никакни

знакаков «конфликта поколений» и не увидела. У нас же это довольно большой вопрос, причем би создан отчасти искусственно теми, кто заинтересован в ослаблении общественных движений. С той же целью профсоюз раздроблен на мужские и женские, «белые» и «цветные» (для аборигенов). По известной формуле: «Разделяй и властвуй». Не так ли?

У нас человек имеет возможность развиваться свои таланты в свободное от работы время. Государство дает ему спортивный инвентарь, музыкальные инструменты, клубы — все, что надо. Пожалуйста! Заседания нового семинара в Иркуте проходили во Дворце пионеров. Это же здорово, что для детей! Приходи и выбирай сам, чем тебе в нас заняться, все необходимое — к твоим услугам. Другое дело в Австралии. У нас же все покупай сам. А цены на музыкальные инструменты астрономические. Хочешь кататься на лыжах или заниматься серфингом (знаете, на доске по волнам), тоже выложи большие деньги... Одно к одному, и получается, что рабочему люду все эти удовольствия не по карману. Что удивительного, если дети грустят, чувствуют себя чужими в обществе. Недавно наши газеты писали о том, что пятидесятити подросток покончил с собой. Не от любви, а от отчаяния перед жизнью: я свои пятнадцать лет он решил, что дальше жить ни к чему... Самобийства, наркомания, преступность среди подростков у нас не сокращаются, а растут... Что, я опять отвлеклась? В общем, по-моему, главное отличие Советской власти к 60-му году ее существования — это воспитание нового человека, человека оптимистического, советского характера. Не так ли?

«ПУСТЬ КОЗЛЕНОК ПОБЕГАЕТ...»

На мой вопрос о том, с чего она начнет свой репортаж о поездке в СССР, Донна в отличие от Альберто ответить не решилась. Только улыбнулась, словно зная... Скорее по инерции, чем в надежде услышать иной ответ, начал с этого вопроса разговор с третьим собеседником — гвинейцем Абу Бангура, ответственным секретарем «Фонике», ежемесячного издания Молодежи африканской демократической революции.

Абу свернула улыбку:

— Думаю, начну с описания одного праздничного вечера в Иркутске, когда я оказался в числе «звезд» программы. Мне захотелось как-то отблагодарить наших замечательных хозяев за концерт. Да, думаю, покажу, как пляшут у нас в Африке. Остроум был на высоте, сразу задал ритм, какой надо, и я вместе с айнгольским коллегой начал танцевать. Кажется, всем понравилось, аплодировали, смеялись. Надеюсь, не посрамила чести моей родной деревни. Она славится танцами. Представь себе: ночь на берегу океана, в небе полная луна. Тишина. И вдруг кто-то начинает выстукивать ритм на выдолбленном бревне. Просто так — потому что есть океан, есть луна, и ему хорошо. Тут еще кто-то вступает в переключку с первым ритмом. Третий, четвертый, а там — скользящие люди и принимаются петь и танцевать. Хорошо! У нас такие праздники всегда сами собой начинались, неожиданно.

Абу шумно выдохнула и тут же рас-

НАВСТРЕЧУ 60-летию ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

смыслас сам над собой: моа, займалася, словно не говоря, а танцевала.

— Следующий вопрос, — скомандовал он.

Я протянул ему два блокнотных листа, исчерпанных, но неиспользованных почерком (Абу вручил их мне перед началом разговора — заранее набросав тезисы ответов на возможные вопросы с моей стороны. Журналист Абу Бангура сам с собой провел интервью).

— Ты пишешь здесь, Абу, что «трудолюбивым энтузиазмом советской молодежи не может оставить равнодушными даже самых скептических наблюдателей». Про кого это ты?

— Я отвечаю так. Когда в 1958 году мы проводились, неспешно, на помощь. Нам говорили со стороны: «СССР — действительно большая, но отстающая страна. Вас, африканцев, там не любят и никогда не поймут». Вот кого я имею в виду. Тех, кто, сами не испытывав разрушений от войны, «забывают», что СССР был вынужден прервать мирное развитие и оборониться от врагов. Иначе его достижения были бы еще больше. К этим людям, без устали сочиняющим небладоу о Советском Союзе, ясное подолить наших посланцев: «Пусть козленок побегает как утенок! Устанет — сам остановится». Мм, гвинейцы, встречал многих ваших специалистов и сами знаем, с чем имеем дело: недаром советские люди пользуются у нас и любовью и уважением. Они не просто отличные работники, но и подлинники интернационалисты. Мы так и считаем: их работа — это солидарность на деле, и эта солидарность всегда отпалчала полноту КПСС.

СЮЖЕТ ДЛЯ ФЕЛЬЕТОНА

Марселлино Перейра сотрудничает — безвозмездно — в газете Союза коммунистической молодежи Португалии «Жуветуде» («Юность»). Узнав, что фи в основном пишет фельетоны, я спросил, не дава ли ему поездки в СССР материал для выступления в его любознательном жанре?

— Еще бы! Я думаю, можно получить очень едкий фельетон, если сопоставить, что мне приходилось слышать перед отъездом в Москву, с тем, что я увидел своими глазами. Нет смысла перечислять здесь нападки, которые распространяются на Западе о советской жизни, — от утверждения, что Сибирь — сплошные непроходимые дебри, до выдвинутого, будто же в СССР одеваются одинаково, так как одежда выпускается по единому образцу. Как ни мал, надо признать, что находится наивные люди, и их немало, верящие этому бреду. Я буду доволен, если мои публикации о поездке помогут какой-то части этих людей избавиться от их неверных представлений о Советском Союзе. Писать есть о чем, хотя срок нашего визита был очень коротким, и в моем жанре. Хочу рассказать читателям «Жуветуде» о молодых строителях БАМ, об озере Байкал и в частности, которое удаетсся у нас во сохранности природы, о подлинном народном характере Советской власти — об участии трудящихся в управлении страной через Советы.

Гостей интервьюировал Б. СЕМКИН

Если посмотреть на карту, юг Африканского континента, словно лодковой, охвачен странами, где у власти стоят расисты. Это Южно-Африканская Республика, Намибия, незаконно оккупированная войсками ЮАР, и Родезия. Юг Африки превратился в район опасной напряженности: сиравадлина борьба африканских народов за освобождение родной земли вызывает ожесточенное сопротивление расистов. Имperialисты, поддерживающие режим Форстера и Смита, пускаются во все тяжкие, чтобы сохранить здесь существующее положение дел. Их попытки вести политику «умиротворения» на счет интересов африканских народов нашли отражение и на открывшейся в Женеве конституционной конференции по урегулированию положения в Родезии. Об обстановке в этой стране накануне «поражающего всех» выступления Яна Смита, согласившегося на участие в этой конференции, рассказывает в репортаже корреспондента журнала «Жен Африк» Патрика Жарро.

РОДЕЗИЯ, «ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ»?

Патрик ЖАРРО,
французский журналист

Что вы думаете о Родезии? О чем бы путешественники ни заводили разговор с кем-нибудь из белых жителей этой страны, он не избежит этого вопроса, за банальностью которого скрывается любопытство и тревога родезийцев. Они хотят знать, что о них думает внешний мир, заранее считая себя не понятыми Западом, находящимися во власти «коммунистической пропаганды». В каждом иностранце эти родезийцы видят врага, готового подписать им смертный приговор в Лондоне, Вашингтоне, Париже или даже — верх предательства! — в Претории. Но они не отчаиваются, надеясь просветить невежду...

Директор отдела в родезийском министерстве труда Воб Мартин фактически сказал все, что они думают, приведя старый, как сама колониза-

ли, Довод: «Африканцев нельзя доверять», а также его более современную версию (будто речь шла о каком-то механизме): «Африканец ненадежен».

Мы должны, однако, признать, что Бобу Мартину не был чужд и анализ. «Африканец», — уточнил он, — скорее обладает хорошей памятью, чем умом и воображением. Знаете ли вы, почему многие из тех африканцев, которые получают образование, становятся юристами? Потому что для этого достаточно хорошо надо выучить юриспруденцию, и нередко они и в самом деле становятся очень хорошими адвокатами».

В отклике от ЮАР Родезия не имеет окова, предоставляющего лучшие должности белым. И это не случайность, а необходимость: белых слишком мало. Кроме 100 тысяч белых, индийцев и метисов, занимающих должности такой квалификации, какой они востают не обладают, есть 100—150 тысяч африканцев (или во власти с лишним миллионы, живущих в стране), которые попадают в три-четыре раза меньше белых, выполняющих такую же работу, как они. Этому пытаются дать «объективное» объяснение. «Что вы хотите? — говорят тут же Боб Мартин. — Там, где было бы достаточно одного белого, нужно поставить двух или трех африканцев».

Каким образом, несмотря на очевидную нехватку квалифицированной рабочей силы и международные экономические санкции, Родезия не только сохранила, но и сумела развить свою экономику после одностороннего провозглашения независимости 11 ноября 1966 года? Совершенно ясно, что без помощи ЮАР и других стран, которые согласились с большой для себя выгодой импортировать родезийскую сельскохозяйственную продукцию и продукцию горнодобывающей промышленности, эта бывшая английская колония, вероятно, выжила бы через несколько месяцев после обретения этой независимости.

Побуждаемая экономическими и стратегическими интересами еще больше, чем симпатией или политической солидарностью, ЮАР обеспечила снабжение Родезии нефтью. В свою очередь, Родезия — главный поставщик в ЮАР алюминия, выработаемого гидроэлектростанцией Карбиа на реке Замбези. Правительство Претории и его главный «оппонент» в деловых кругах Гарри Олсвенгей-

мер, представляющий «Англо-Американ корпорейшн оф Саут Африка», активно сотрудничали друг с другом, стараясь удержать на плаву родезийский кокаев. Португалия при фашистском правительстве Казимиро приспосаблилась к их условиям, предоставляя Родезии, к своей огромной выгоде, доступ в порты Беира и Малути (бывший Лоренцо Маркез). США, Израиль, Япония, Франция, Бельгия, ФРГ покупали у Родезии медь, никель, хром, табак, а также хлопик и продукцию завожжающейся обрабатывающей промышленности и вкладывали капиталы в этой стране.

Родезийцы считают, что они могут гордиться средним годовым доходом на душу населения — 1760 франков, но в 1976 году 278 тысяч белых, индийцев и метисов разделяли между собой 605,9 миллиона долларов, в то время как 6,1 миллиона африканцев получали всего лишь 435,7 миллиона долларов. Нынешняя заработная плата белых в среднем в 10,8 раза выше заработной платы африканцев.

Экономический спад затронул эту страну гораздо позже, чем другие страны мира, — в конце концов падение мировых цен на медь, хром и никель сказалось на торговле рудной промышленности — главным источником иностранной валюты. Кроме того, закрытые мозаичными границами вынуждают импортеров и экспортеров пользоваться единственной дорогой, связывающей Родезию с ЮАР. Расширение партизанских действий власти встретила широкой мобилизацией. Впоследствии министра финансов Лемпфорт-Стоука для покая, что военные расходы значительно истощили валютные резервы страны.

Вместо того чтобы подумать о более справедливом распределении власти и богатств, правительственная партия «Родезийский фронт» предпочитает закупать оружие и платить немникам. Расходы на социальные нужды — редкое явление и часто служат только поводом для перерывов между депутатами. Всякий раз, когда этот вопрос обсуждается в парламенте или в печати, белые в очередной раз начинают возмущаться тем, как низка, по их мнению, плата за врачебные консультации в некоторых городских и сельских больницах для африканцев.

Государство берет на себя расходы по обучению только 80 тысяч учащихся африканских начальных школ из примерно 823 тысяч и семи тысяч учащихся средних

школ из 35 тысяч. Но и это дает повод обвинять различные миссии и «африканские советы», обеспечивающие в основном обучение в этих школах, в том, что они сдают «расадиши партизан».

Совместное обучение — одна из главных рекомендаций комиссии, замначисной правительством о целях проведения расследования по поводу расовой дискриминации. В докладе, обсуждавшемся в июле 1976 года в парламенте, комиссия также рекомендовала депутатам отменить закон о землеуделении, разделяющий Родезию на белую и африканскую зоны; объединить африканских и европейских избирателей в единый округ и принять меры, позволяющие иди изгнать путину установления равенства в заработной плате. Все это было бы замечательно, если бы не сама атмосфера, в которой происходило обсуждение доклада.

«Я всегда думал, что дискриминация сама по себе не сложное дело», — заявил в свое время, открывая заседание парламента, «досточтимый» Мосли, депутат от Лавлаво. Не обращая внимания на протестующие возгласы депутатов-африканцев, он продолжал: «Я сущности, положив ей начало господство, и это меня всегда заставляло задуматься. Я пришел к выводу, что без дискриминации жизнь у нас была бы не такая счастливая, как теперь». Довольно безобидное предисловие, если сравнить с тем, что пришлось услышать далее во время заседания. Самые грубые шутки, ораторов-африканцев превращали, обвиняя их в том, что они «уходят от темы», когда говорят об общих выборах представителей в парламент или о том, что европейские дети должны будут сидеть в школе рядом с черными или играть в одни и те же игры с маленькими африканцами. Не говоря уж о такой поистине «шекеотливой проблеме», как общественные уборные. Когда обсуждался этот вопрос, «досточтимый» Платифорд сделал следующее признание: «Я лично предпочитно пользоваться уборными, которыми пользуются люди моего культурного уровня, хотя я должен признать, что не все соблюдают правила гигиены».

Ян Смит отклонил главные рекомендации комиссии. Небольшое либеральное крыло белой общины направило петицию, требуя немедленного осуществления предложенных мер, но основная масса белых разделяет чувства своих достойных представителей.

Партия Смита, правящая страной с 1962 года и делающаяся за расизм, выражает не столько чаяния плантаторов (их всего шесть тысяч и не все они голосуют за партию Смита), сколько служащих, государственных чиновников, торговцев, многие из которых приехали в страну в 50—60-е годы и достигли здесь такого уровня жизни, о каком не смеи и мечтать у себя на родине.

«Белый прежде всего стремится сохранить свой рай и держит ключи от него в своих руках», — говорит директор Центра межрасовых исследований Маршалл Морфи, который стремится превратить этот орган в эквивалент Института расовых отношений ЮАР. Большая часть белых и в самом деле не желает быть ничем иным, как колонистами: они твердо решили воспользоваться преимуществами, приобретенными силой, и покинуть страну, если им придется уступить место африканцам.

«Родезийский фронт» установлен над этой общиной, верной английским традициям, партийную диктатуру, во многом напоминающую фашизм. «Фронт» ведадут: его люди действуют в административных органах, в полиции, промышленности, армии, спортивных клубах и женских организациях. Он контролирует радио и телевидение. Газеты, которые почти все связаны с телевидением и принадлежат ЮАР или принадлежат им, подвергаются беспощадной цензуре, хотя она и не предусмотрена законами.

Либеральные партии и поддерживающие их круги выступают с предложениями ликвидировать расовую дискриминацию, разделить власть с африканскими политическими деятелями и преобразовать Родезию с ее природными богатствами в центр капиталистического развития этого района Африки. Но в то же время большинство белых родезийцев, которые не уезжают на страны, откуда им разрешено вывозить только тысячу долларов, не видят никаких причин для изменения нынешней политики или образа жизни. Это, кто зовется в победе, сразу же называют предателем. Таково было положение и таковы были позиции накануне выступления Яна Смита, которое поразило всех и подвело на родезийцев как холодный душ. Теперь многие начали подумывать об отъезде, другие хотят попытаться жить в иных условиях. Третья попытка о партизанской борьбе.

востолжения игроков, бегущих к своему безоглятому убеждению, мы бежали вместе с ними, бегом, который являлся для нас грандиозной ступотой, когда они входили в любую дверь раздала; мы пытались скопировать эту ступоту. Джо Ди Маджио и Сиуфрис Стөрвелье, Чарли Келлер, Фил Ридцунг — в белых одеждах, воспитательные высокие, они олицетворяли чуждую жизнь и то, что американцы называют радостным словом «аффектированность». Они бежали устало, неуловимо, и мы бежали вслед за ними так же тяжело и даже не пытались догнать. Но из них, из людей, выходящих из святых имен. Как лаконично, мы обманывали услышавшие по радио сведения о них — видели мы их раза два-три за сезон, когда удавалось наскрести денег на билеты, но радио (а для наших отцов — спортивные странички газет) выкристализовывало в нашем сознании чистый облик атлетов. Мы смотрели на них снизу вверх. Еще не было этого — ни череды бесконечных перипетий ежедневного телевизионного зрелища, ни тупых ликов, как в программе «Посмеивания», чтобы сконфужить нас, их космических дебатов в программе «Мери Гриффин Шоу», чтобы разрушить высокий образ. Для нас они были Вейсболлы — «Джо-Толкача», «Самоката» и «Старина-Строилы».

Быть рядом с Ди Маджио — что могло сравниться с этим счастьем, ну, конечно, я обманял его. Но как в школе я уживался за девочками, которые шли вторыми в нашем мальчишеском списке хороших учеников, так и теперь я хихикал из комода «Никиты» 1948 года, когда вышел Неполный игрок, но с весьма средними результатами; только к концу последней игры сезона он размыгивался. Тогда его подачи можно было сравнить только с подкачками самого Ди Маджио. И поскольку я догадывался, что на роду мне не написано уподобить себя этому боту, я смиренно восхитился Хейрчаем. И еще — до чего же волновало меня пребывание на поле, зеленое сердце колоссальной величины. Остатки я уверен, испытывала то же, парочкой лениво проглатывая по траве, такой же, как и на газонах парков, но все же другой траве — на ней великолепные мужнины творили великие дела.

Сейчас никому не разрешают выходить после игры на поле — частично, чтобы уберечь травяное покрытие, а главным образом — чтобы уберечь игроков. Сейчас мы убиваем наших героев; стоят как полуботы кого-то, как из-за угла степенно выныривают слепящие лучи прожекторов — но только самую личную склонность к разрушению. Эффект, который произвело на нас убийство Кеннеди, впечатление, подтвержденное другими смертями и выстрелами, нельзя переоценить. Воист, что-нибудь случится с тем, кого мы обожали, мы посматриваем на него чуть кривонож, мы суеверно подпорчиваем нашу хвалу, и вот уже восхитение, как и любое чувство, которое слишком долго и упорно сдерживать, терять свою непосредственность; сам характер восхищения намокшая нить.

В любой толпе, мчащейся по улицам больших городов, обязательно найдется так вожок в кармане, но вот дело — даже мы, обычные люди, не воспеваем, как правило, кожей, обнуляющая вдруг акуса к алордству. Мы удивительно устраиваемся в хреслах к с удовольствием глядя в телевизор — а там наши политические лидеры блекнут, бледнеют, стареют, сла-

беют и ругаются, а мы неуловимо, безжалостно смотрим на это — даже те, для кого жизнь была в это время временем разрушения. Люди с развитым творческим воображением сотворили себе, на шестидесятых годов нашего века собственный театр, на сцене которого разыгрываются спектакли о гражданской войне: нищета, полицейские побоища, конфронтация «стриженные — длинноволосые» и так далее. Знаете, на что это похоже? На жизнь в королевстве с королями — дураком и уродом, над которым смеется весь народ, и все же будущее смислового народа в его дураке. Америка, нация вершин, стала похожа на источник болота, но мы все ждем кого-то, кто заблудится в болоте и направит нас хотя в какое-то русло — нуру.

Подобный климат благоприятен лишь для сатириков и черпающих силы в юрских псевдоинтеллектуалов. А ведь когда наша жизнь была наполнена замечательными открытиями, почтением перед электричеством и нефтью. Но вот мы обнаруживаем, что инженеры и правительственные эксперты по атомным полетам нас и вера в могущество науки лгуту чьясь. Американцы перестали верить даже во врачей — решено, что они занимаются лишь на лаченном, а самообожания через самоуверенность на наших бойкоках. А после вьетнамской войны испарились слава солдат и моряков — что вполне естественно.

Объяснение очевидного — почему для нас перестали быть героями ученые, солдаты и политические лидеры — еще не объясняет, почему же у нас нет ни тех героев. Можно, конечно, предположить, что для тяжелых времен сойдет фигура тина Говарда Хьюза — пикантный флибустьер, миллиардер-отшельник, не решавшийся глядеть людям в глаза; ах, нет, нет, вовсе не грязный скунс вроде старика Гетти. Но, к сожалению, антигерои как сказочные персонажи ушли в прошлое вместе с философией экзистенциализма. Эта философия мрачно и чуть презрительно смотрела в будущее; теперь, когда будущее стало настоящим, мрачный экзистенциализм выглядит чересчур дурно и незинно по нашим временам.

Мы утратили великое человеческое чувство — стойкость. Вамен ностальгия все больше прельщает нас, потому что минувшее является нам в аккуртированном упакованном виде, и ничто в прошедшем нас уже не предает.

И хотя на первый взгляд наше время выглядит просто всеземским карнавалом — развлекательная эйжа как молот, все там танцуют, хоронят, — за этим карнавалом загорают гаснут с улавающей быстротой; калифы на прелестные 15 минут. Метры же от искусства разочаровывают нас так же, как и звезды «легких» жанров. Вообще рукописи явно отдают плесенью — а последнее время среди соданных художников слова модно стало указывать в заветниках, что их работы могут быть обнародованы лишь спустя полвека после их смерти — во-первых, кому охота слушать сомнительные откровения, а во-вторых, кто поручится, что наши мыслители не лгут? Нам не привлекают даже фигуры Альберта Швейцера и Эйнштейна: скенсы времени обставили филантропию первого, а боязнь открытия науки отвратила от второго.

У Генри Джеймса есть рассказ «На стоице», герой которого, художник, задумал написать аристократическую палу — олицетворение истинного аристократизма. Наполея натуращиков — чету обя-

цашных владельцев голубой крови с потрясающе чистой родословной. И что же? Их облик был еще дальше от того духа аристократизма, историчности, которую настоящих, чей облик предпродорожных чыгаст. Эти промашки в поисках напуганных «настоящего» инкомы любому журналисту. Вот он, к примеру, хочет развлекать и проинтервьюировать какого-либо неподдельного гения, — популяризаторы от науки всем давно уже осточертели. Благое дело. Блед на край света, продолжает невероятные трудности, продвигает титаническую работу, крушит драматизм: он спасет! Причес — что же, наша история Гравия оказывается пустя, то есть не пуста, конечно, исконный персонаж действительно сделал что-то потрясающее в какой-то невероятной области, но сам по себе он оказывается настолько обиденной личностью: ниц (иу, кто не беда), неразоговоры (а это уже колоссальный порок), словечка забывного, за что можно было бы удивиться в интервью, из него не выжмешь. То есть не соответствует он заурядному облику «настоящего гения», а прежде — облику от которого хотили убажать, — наглое полуинтервью.

И все же сказанное выше вовсе не означает, что мы не нуждаемся в героях. Они драматизируют решения и помогают проложить путь в новых обстоятельствах; к тому же каждый охотно уподобляет себя им. Но штука-то вся в том, что у нас накопился такой богатый запас горчи и разочарований, что мы смеем над былыми решениями. Многие сделали для нас Великие дела — голубая стража, которая пришла в астробю и наоборот, что отзвук этих превращений, как и отзвук политических убийств, не скоро выйдут из нашей памяти. И все же герои персонифицируют наши стремления, и, если мы лишимся героев, мы лишимся и желания стремиться к чему-то; к тому же людям не свойственно скупиться, когда надо воздать по действительно честным заслугам.

Я начинаю думать, что мы безнадёжно искушены: ведь посмотрите на мы, отдавая свои мысленные откровения, мы акусли всех разочарований, утратив способность удивляться. Мы знаем больше, чем хотели бы знать по любому вопросу, и единственное, что пока еще нами не окончательно испорчено, — это болезненность личного переживания: безнадёжность одиночества, трудность любви, возможность предвидения — ни в личном, ни в национальном масштабе. Кроме того, выяснилось, что нет не только ничего постоянного, но и ничего временного.

Об этом же думал и великий русский поэт. Газеты «новой волны» ничем не отличаются от старых сорокалетних дайности — была бы кому охота покопаться в библиотеке. Коррупция власти — слава богу, аналогич в древности хоть отбавляй. Изобретательное словосочетание «ядерная сила» привело людей к размышлениям о нелености случайности; а технологические науки, «энергетический кризис», к примеру, следуют друг за другом с удручающе скудной быстротой. И все же кто-то способен вспомнить наш покой — Великая Депрессия 80-х годов или нынешние политические убийства — они произвели впечатление разрывавшей тверди. Проволочное ограждение вокруг опасной области неведомого снято, и мы ушли. Но что узнали? Да ничего хорошего.

Во всем этом слышится неоправданные шаги каких-то перемен, но тоска по спо-

иному, пришлому, тактико-политическому анализу, что его уже не хватает, чтобы выдумать твор, который охватила бы эти перемены.

Новые настроения унификации (что не есть равноправие) полов столь же вредны для героизма, как и прочие модные теории, стирающие традиционные границы. К тому же нам не хватает терпимости —

одна ошибка, и мы готовы проклясть кого угодно. А ведь люди должны любить своих героев — невидя на их личные сомнения и ошибки. Но это трудно — потому что на героев направлены терсучер яркий свет, и утратить что-то личное героям невозможно. И все так запутано, усложнено и раздроблено, что мы окончательно растерялись. Так что, прежде

чем прощать нашим героям недостатки, нам, может, следует выдумать себе — а, пожалуй, простить себя. И если все истинные сдвиги, сдвиги и кризисы духа все-таки разрешатся, пыльное честолюбие, которое принято устранять героям, нам надо устроить самим себе.

Перевела с английского Н. РУДНИЦКАЯ

ПЛАЧ ПО ГЕРОЮ

А. СЕМИН

Спорить, собственно, не о чем. Эдварду Хугленду, американскому писателю, виднее награждения, сотрясающие его дом. Другой вопрос — понимать ли! Но это другой вопрос, и мы вернемся к нему позже. А пока... А пока, раз уж спорить действительно на о чем — респектирование общества, утратившего своих героев, описана, с точки зрения буржуазного автора, правдиво, — остается сравнивать. Причем сравнивать имеет смысл не ради чувства вечно законного удовлетворения, а во имя чего-то более существенного. Потому что, в конечном счете, всякое сравнение пусть даже не самых главных, пусть второстепенных явлений помогает глубже понять закономерности их и нашего образа жизни, нагляднее представить перспективу их и нашей социальной системы.

...Подумать только — он, обнаруживший, что у них нет героев! Это все равно что человек обнаружит вдруг, что у него нет тени. Кошмарный сон, такого не бывает наяву. Но от того, что такого не бывает наяву и вот — случилось, становится понастоящему страшно.

Так и здесь. Вся история человечества, вся жизнь человечества и это, и тысячу, и тысячи лет назад совпала сознанием своих возможностей, реализуемых поначалу одним, а затем сотнями и тысячами его последователей. И вот обнаруживается, что больше нет этого одного-единственного, и не с него тысячу делать жизни. Попробуйте представить себе такую! Но ведь именно такую картину нарисовал с натуры Хугленд.

Те из его сверстников, кто еще помнит свой доверчивый восторг перед кумиром, избранным за образцы, в грусти и тревоге вопрошают себя и окружающих: куда же он подевался, этот неподражаемый, этот неповторимый, этот блистательный! Куда же он подевался и как жить без него!

А те, кому нечего вспомнить? Кто родился и вырос так и не изведав душевного трепета перед себе подобным человеческим созданием, достигшим совершенства?.. словом, достигшим в чем-то совершенства! Кто испытывает оный! Они не понимают грусти и тревоги парня, им смешно и противна сама мысль о кумире, потому что все предложенные им кумиры оказались либо лгунами, либо ничтожествами, либо еще чем-то мелким, жалким, продажным и постыдным.

Но не будем упрощать. Все гораздо сложнее. Настроения гораздо многообразнее, нехватки одних и холодного, насмешливого скепсиса других. И не будем недооценивать называющих как хотят — ум, смелость, оный изворотливости, мастерство тех, кто работает над поддержанием духа и бездуховности кото-

рого еще далеко не всем очевидно и продолжение жизни которого а его настоящего виде довольно многим выгодно.

В наш век заменителей не так, увы, уж и трудно сработать суррогаты духовные, выдавая качество чужого, жакетом ларингитом за квалит, достойный проваления, подражания и восторга. В подтверждение — постыдный факт, разыгранный осенью прошлого года в штате Техас с участием в качестве героя генерала в отставке Поля Тиббетса, сбросившего в свое время атомную бомбу на Хиросиму. При этом мастерам на суррогаты удалось симитировать зловещий гриб атомного взрыва, что вызвало бурный восторг у присутствовавшей на этом шоуа публики. Следовательно, есть кто умеет создавать таких героев, и есть кому они, как это и непонятно, нравятся.

Хотя шоуа с Тиббетсом, вызвавшее возмущение мировой печати, из разряда наиболее изощренных попыток содуготворения национального сознания, его «успех» свидетельствует о том, до какой степени это сознание удалось развратить. Так можно ли удивляться после этого успеху более хитроумных способов манипулирования сознанием масс в капиталистическом обществе!

Материалы этого номера журнала дадут читателю некоторое представление о том, как в обществе, дошедшем до того, что у него не стало героев, герои создаются искусственно, подобно искусственной черной икре (кажется, из нефти) и искусственному кучуку (кажется, из обыкновенного воздуха).

Но из чего, из каких заменителей создаются эти искусственные герои! Кем созданы? Для кого? И зачем? Значит! Сделано же действительно думать, подобно Хугленду, что с сегодняшней Америкой да и любой другой западной стране нет героев. Подлинных. Неподдельных. Безупречных.

Есть они! Были всегда и будут. В прошлом Соединенных Штатов Америки, например, — Самсо и Ванцетти, Джон Рид, Кейси Джонс, машинист, песик о котором уйд полвека живут а народе. И в настоящем — Анджела Дэвис... Есть они, их не может не быть, потому что какой же народ просуществовал без своих героев?

Только обратите внимание, вспомните их подлинническую судьбу: один из них были убиты, другие подвергались преследованиям и травле, третьи — бросали в тюрьмы. Ничего не скажете, долги и холит своих героев «свободный мир»!

Впрочем, я оговорился — не то его герои. Его герои другие — те самые, чья в последние время стали лопаться подобно мыльным пузырям, вызывая паническую тревогу у своих доверчивых почитателей. Примечательно, что этот конфуз

произошел с ними именно сейчас, в момент обострения кризиса породившей их системы.

Посмотрите, что происходит: на протяжении последних десятилетий капитализм с особым старанием отработывал, шифровал, вынашивал в повседневный обиход своих героев, при этом, естественно, скрывая свое, так сказать, отчество. Далось это довольно профессионально. Во всяком случае, немногим могло прийти в голову, что у ультралевого крикуна, фашистствующего экстремиста, тихого, как мышь, белого воротничка — примерного чиновника и семьянина, ошестившегося колыма гангстера, чмокающего под шельф телекамер розовые детские щечки политикана и т. д. и т. п. один родитель.

А между тем сейчас, в результате серии скандалов, каждый из которых претендует на знание исторического по своим масштабам, позору и грязи, родственные связи раскрылись, дурное наследие скандализированных героев стало всем очевидно.

«Куда делись все наши герои?» — спрашивает Хугленд. Да откуда они не делись, их просто не было, как не было элементарной продолжительности у ныне разоблаченной во взлостичестве компании «Лохиде», как не было — искони, с порога дня своего существования, — уважение и законом у ЦРУ и ФБР, фарисейской общающей ныне разгневанной общаственности предать «быть хорошикам, как не были защитниками демократии и свободы американские солдаты во Вьетнаме, а были убийцами, подобно лейтенанту Колли, и душителями демократии и свободы».

Честному человеку, если он действительно искренне заблуждался, нелегко перенести таков. Это понятно. Более того, и на этом — теперь уже и на этом — строят политические расчеты те, кто пытаются найти выход из духовного кризиса капиталистической системы, сохраняя в целостности и сохранности саму систему.

В канун президентских выборов в США состоялась серия дискуссий претендентов на высшие государственные посты. Вот выдержки из одной такой дискуссии между кандидатами в вице-президенты — республиканцем Дулом и демократом, ныне вице-президентом США Мондейлом.

Мондейл: «Многое приводит к угнетению американский народ, многое вызывает разочарование и отчаяние. Нам пришлось пережить самую страшную войну в истории Америки. Она вызвала в стране быть токий, большой раскол, чем когда бы то ни было. А затем мы пережили самый страшный политический скандал за всю историю Америки, причем лица, занимавшие самые высокие посты, оказались виновными в совершении самых серьезных

преступлений или, по крайней мере, им было предельно такое обвинение. А потом мы явились свидетелями того, что наши разведывательные ведомства и судебные органы, которым поручено следить за соблюдением закона, сами нарушили его».

Доул: «Как мне кажется, что многие американцы просто утратили ко всему интерес, они утратили ко всему интерес из-за войны во Вьетнаме. Они утратили интерес к Уотергейту. Уотергейт — это на первое место — они утратили интерес из-за Уотергейта. Они с надеждой смотрели в будущее, но, верно, утратили интерес из-за того, что увидели в американской галетке представителя, из-за многих вещей, которые увидели в области политики. И я думаю, что они утратили интерес также из-за бесконечных обещаний».

ЯВКА НА ПЛОЩАДИ САН БАБИЛА

И. ГОРЕЛОВ

29 марта 1968 года пятикомнатная квартира на первом этаже в доме № 13 по проспекту Монforte в Милане была сдана внаем некоему сеньору Анджело Руджеро, представившемуся в качестве руководителя молодежного кружка. В контракте о сдаче внаем (1 миллион 300 тысяч лир в месяц!) были оговорены определенные условия: запрещалось наклеивать на наружных стенах надписи, вывески,

знаки и гербы, как, впрочем, и вывешивать какие-либо знамена или символы, запрещалось устраивать собрания числом более 15 человек; запрещалось нарушать спокойствие соседей. Как говорят сейчас некоторые, если бы эти пункты были выполнены, история Италии последних лет, возможно, оказалась бы иной. Квартиру на проспекте Монforte заняли молодцы из «Молодой Италии» — студенческого фланга партии неонацистов «Новое социальное движение»,

именно из этого логова направлялись банды на ежедневные операции на площади Сан Бабилла. Площадь эта — истинный центр Милана. Она нечто вроде гостиницы города — место променада «лучших людей», витрина его лучших магазинов, данная стойка его лучших боров и кафе.

Молодые люди из квартиры № 13 довольно скоро стали завсегдатями этих кафе и баров. Здесь они поднимали свой аперитив — чаще всего кока-колу, «подправ-

КООРДИНАТЫ ДЛЯ ЯМАКАВЫ

Владимир ЦВЕТОВ, соб. корр.
Центрального телевидения и Всесоюзного
радио в Японии — для «Ровесника»

— **Ч**то это?
Я поднял книгу над головой, чтобы увидеть аудиторию.

— Это — книга, — произнес я, четко выговаривая звуки. — А теперь скажем все вместе: «Это — книга».

Двенадцать учеников хором повторяли фразу. Шел урок в кружке русского языка при Обществе слушателей Московского радио, где я выполнял роль добровольного учителя.

— Попрошу вас, — я обратился к сидевшей ближе всех девушке, — сказать: «Это — книга».

Девушка конфузивно молчала, хотя в общем хоре она правильно произнесла слова.

— Может быть, вы скажете? — спросил я ее соседа.

Никто из учеников не захотел говорить в одиночку, но каждый из них с готовностью участвовал в коллективной декламации. Даже здесь дает о себе знать

складывавшаяся веками привычка действовать сообща, не выделяться, оставаться, как все, примычка, дающая японцу ощущение уверенности в своих силах, пусть и за счет утраты чувства самостоятельности.

В книге «Рождение японского сверхгосударства: вызов и ответ» американский политолог Герман Кан писал: «Японцу свойственно думать о себе как о члене какой-то группы, получать удовлетворение от группового достижения групповых целей. В японских традициях, и, как ни парадоксально, вплоть до наших дней, одним из худших грехов считается всякая попытка игнорировать или отвергать групповые мнения, решения, запреты, нормы поведения — или вообще проявлять какой-то индивидуализм».

...На телевизионном экране — самурай кижевата Сата. Лица их предельно одухотворены и невероятно мужественны — гримеры поработали на славу. Средневековое киноно на актерах и интерьер, в котором они сняты, умело пе-

ренесены с гравюр старых мастеров. Самурай тщательно моется, надевает чистое белье — они готовятся к смерти. Нет, враг не стоит у ворот замка, и самураев не ожидает жестокая схватка. Этот ритуал они выполняют каждое утро. Сцена иллюстрирует кодекс самурайской чести «Бусидо» — «Путь воина». Одни из постулатов кодекса гласит: «Носи постоянно в сердце мысль о смерти. Тогда легче выполнить долг преданности и смелее почтительности по отношению к сюзерену, преодолеть зло в себе, осилить бедствия и несчастья, быть добродетельным».

Телевизионная драма бесконечна и однообразна, и удивляешься долготерпению актеров, играющих в ней изо дня в день в течение многих месяцев подряд. Сегодняшняя порция самурайских доблестей наконец заканчивается, и по телевизору ползут названия фирм, фиксальскроаэших постановку. Это крупнейший в Японии электротехнический концерн «Мадзусита диньм», страховая компания и крупный банк.

Алгоритмы многомерной телесности заимствованы сюжет не негосподствующей элите Дайдою Юдзэн, жившего в начале XVIII века, пропагандиста «Бусидо», сдержанного, как все монахи-ямакуши. Выхаживал мысли монаха парекочева в правила поведения для рабочих и служащих, принятые к неуклонному выполнению на заводах концерна «Маусуита дэкин», и уж потом — не без помощи концерна — адаптировали сценаристов и режиссеров телекомпания...

Основная работа советской промышленной выставки, я задержался в городе, где она проходила, — закончен в небольшом отделе, отдаленной от советских спонсоров и японских гостей. Гидами были студенты. Труд на выставке давал им побочный заработок — без него большинству японских студентов не обойтись: стипендий они, как правило, не получают, а за обучение в университете надо платить. Я заглянул в номер, который занимали гиды.

Облачившись в ночные kimono, трое студентов лежали на золотисто-желтых циновках. Четвертый, сидя на корточках, что-то нерасеяно говорил наизусть. Один из студентов следил по толстой книге и поправлял, когда тот допускал ошибки.

— Готовитесь к самодеятельному концерту? — спросил я.

Студенты подняли удивленные лица, а тот, что держал книгу, захохотал ее и протянул мне. «Как», «Критика чистого разума», — прочел я на обложке.

Студенты учились на философском факультете и готовились к семинару.

Сидевший на корточках студент, прикрывая, продолжил заунывно и неторопливо, как молотил.

— В метафизической дедукции априорное происхождение категорий вообще было доказано их полным скотством...

— Не скотством, а совпадением, — прервал студент с кинкой в руках.

Да, да, верно, — декламировавший Кант студент открыл главу. — ...Было доказано их полным совпадением со всеобщими логическими функциями мышления.

Забывая основный метод обучения в японских учебных заведениях. Считаюсь, что изучение науку позволяет проникнуть в глубь предмета, а дословное повторение того, что написано в учебнике или сказано преподавателем, свидетельствует об особой образованности.

Теперь соедините принципы, изучаемые аполону с пленок, с методом, которым это делается, и получите представление, какими путем в Японии формируют конформистов. Помню, как я встретился с одним из них на улице.

В Японии не принято ходить в гости. Обычай в наше время окреп — стесненные жилищные условия подавляющего большинства японцев не позволяют принимать визитеров. Со служащим концерна «Маусуита дэкин» — назыву его Итиро Ямакава — я встретился в кафе. Утром я видел Ямакаву в цехе. Занял место в серо-голубой шеренге облаченных в униформу рабочих, он внимательно выслушал и повторил прочитанные с доскочки «Семь заповедей», слово за словом, правил поведения были для него открытием и не раздался ни единого слова в цехе, где он работал 15 лет. Затем с воодушевлением шел в утион с другими гами концерна. С аполоней я и начал разговор.

— Вероятно, вы действительно трудитесь упорно и добросовестно, как и требуют от вас «Семь заповедей», но много ли приносит этот труд лично вам?

— Добросовестный труд приносит прекрасные результаты. Он создает процветающее общество, — заунывно начал Ямакава.

Я перебил его:

— Основана ли наша общность. Что дает труд лично вам?

Ямакава подумал и ответил:

— Я получаю хорошую зарплату. В нынешнем году нам ее прибавили. На 12 процентов.

— На 2 процента, — поправил я. — На 10 процентов в этом году подскочили цены. Однако концерн «Маусуита дэкин» за этот же срок увеличил свои прибыли на 68 процентов. Значит, ваш «упорный и добросовестный труд» приносит баснословные доходы концерну и почти ничего не дает вам.

— Но он содействует процветанию общества, которому «Маусуита дэкин» отдает часть прибыли в виде налогов, — упрямо возразил Ямакава.

Тогда я привел высказывание министра финансов Масасэи Охирэ, призывавшего, что если рабочие и служащие почти все исправно уплачивают причитающиеся с них налоги, то лишь от 60 до 80 процентов корпораций не уплачивают от налогов органы свои истинные доходы. — Вы уверены, что «Маусуита дэкин» находится в их числе? — спросил я. Ямакава промолчал. Он будто и не слышал меня.

— Далее. Если «Маусуита дэкин» и другие корпорации заботятся, как вы считаете, о процветании общества, почему же у государства дефицит в бюджете? Почему государство расширяется инфляцией, почему в Японии миллион безработных?

Снова молчанье. Наконец Ямакава произнес:

— Концерн принял меня на работу и взял, таким образом, с семьей «Маусуита дэкин». Я воздаю концерну за то, что он сделал меня членом своей семьи.

— Вы бы благодарным и отвечать добром на добро? — процитировал я одаю из «Семь заповедей».

— Конечно, удовлетворению кивнул. Иронии он не уловил. И я подумал: напрасное звание доказывать ему, что концерн его обирает, вкладывая в еженедельные конвертики с зарплатой значительно меньше, чем он в действительности зарабатывает. Я спросил:

— Ямакава-сан, вы смотрите по телевизору драму о самураях княжества Сага?

Конечно! — оживился Ямакава. — Очень интересная драматическая. У нас принято обязательно смотреть передачи, которые финансирует концерн.

— Вы довольны своим положением? Вам не хотелось бы побыстрее продвигаться, занять более высокий пост?

— Я занимаю место, подобающее моему возрасту и рабочему стажу, — с достоинством сказал Ямакава. — Когда придет время передвинуть меня на новую должность, начальство сделает это. Доверяется самому должностному лицу по отношению к начальству, и служащим, которые старше меня и дольше работают в концерне.

— Помнивайте и быть скромным, — я тон Ямакаве произнес я аполоней «Маусуита дэкин». — Скажите, Ямакава-сан, что вы читаете?

— Журнал «Пи-Эч-Пи», газету «Дух Маусуита». Есть у меня любимые книги, я их перечитываю: «Путь к миру, счастью и процветанию», «Каким быть человеку», «Каким быть обществом».

Так вот откуда у Ямакавы явные выражения уважения и изобретения. В журнале «Пи-Эч-Пи» Маусуита отступила от этого правила. Цель воспитания конформистов он сформулировал четко и недвусмысленно. Рассуждая о роли профсоюзов — они в Японии представляли мощную классовую силу, — Маусуита написал: «Профсоюзы — одно из двух колес дуэлки, немыслимой бизнесом. Второе колесо — предприниматели. Чтобы дуэлка быстро двигалась, требуется надежность обоих колес. Надежным же профсоюзом колесо назвать можно. По мнению Маусуита, «если члены профсоюзов перестанут думать о жестокой борьбе и займутся о достижении своих требований». Какова в таком случае, задача профсоюзов? Маусуита очерчивает ее: «Идти стремиться к сосуществованию и сотрудничеству с предпринимателями».

Маусуита сознает, что соглашательскими профсоюзами делается тогда, когда большинство в них составят такие, как Ямакава. Откуда и вся система облагивания трудящихся, использующая и феодальную философию, и идеи современного менеджмента. Отсюда многочисленные ритуалы, которыми обставлен труд на заводах концерна «Маусуита дэкин» и других концернов.

В лучшей, на мой взгляд, книге о Японии, написанной советским журналистом, Борис Агалаов дал удивительно точную характеристику системы, создающей антигосударственный персонал.

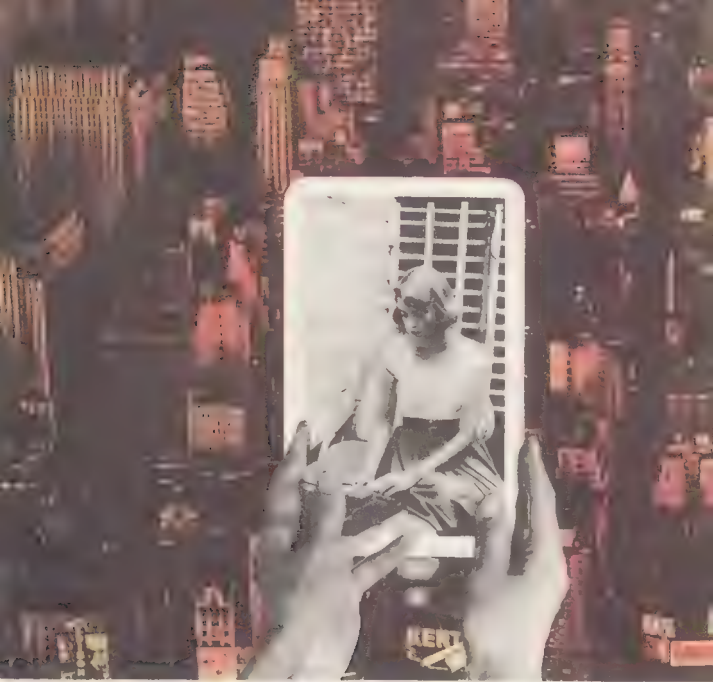
«Стойкость идеологических координат, в которые после революции Ийдэи (буржуазная революция 1867—1868 годов, — Ред) был вписан капитализм, а после военного разгрома Японии в 1945 году — так называемая «демократизация», — поразительна. В эти координаты вжаты сейчас и немалые развитие индустрии, и немалые успехи науки и техники, и рост экономического мощи страны... Но координаты стоят».

Пусть молодая выключается в дэкингах, пусть звенят в барах и кафе игральные машины, пусть даже бывшие выступления рабочего класса становятся все более заметными на фоне «промыленного чуда» — какие-то силы поддерживают «особость» японского мира, как некое гравитационное поле, где любой предмет всегда будет готов соскользнуть к тому центру тяжести, который создавался в течение веков и который неслыханно выдвигался хитрыми властями в их интересах».

Координаты, о которых говорил Борис Агалаов, сложены из самых разнообразных концепций — от враждебной Конфуция до идеологических построений теоретиков «народного капитализма». Задача состоит в том, чтобы воспитать поколение, обладающее самыми современными техническими знаниями и умеющее эти знания применять на практике, — заявила в 1962 году тогдашний премьер-министр Японии Икэда. — Это поколение должно быть проникнуто духом гармонии, преданности, единомыслия, уважения к предкам и следования их примеру».

Оси сошлись в точке, которая в геометрии называется началом координат.

Токио, октябрь 1976 года

ПОД СТЕКЛЯННЫМ КОЛПАКОМ МИФОВ

Ее стихи — это та литература нашего времени, по которой будущее поколение узнают нас и дадут нам имя.

А. Е. Дейсон. Из предисловия к книге Сильвии Плат «Ариэль».

Г. ГОЛЕНПОЛЬСКИЙ

Среди имен, о которых много сейчас говорят в Америке, — имя Сильвии Плат. Кто она? Кто о ней говорит? Почему она стала героем статей, книг, разговоров? Вот три вопроса.

Кто она?

Из справочника по американской литературе

Плат Сильвия (1932—1963). Поэт. Род. Бостон, Массачусетс. Училась в Синтовском колледже и в Англии, в Кембридже (Фулбрайтский стипендиат). Здесь встретилась с английским поэтом Тедом Хьюзом и остается в Англии. Ранняя смерть обрывает многообещающую поэтическую карьеру. Две книги стихов — «Холлос» (1960) и «Ариэль» (1965) — посмертно. Первая книжка — в основном личная: поэт и окружающие ее объекты. Вторая книжка — стихи-исповедь. П. лучше известна в Англии, чем в США, однако ее следует рассматривать как одного из наиболее впечатлительных американских поэтов. Также написала роман «Под стеклами колонок». Издан в 1963 году.

Вы проблекали глазами статью из американского литературного справочника, задержали свой взор на цифрах «1932—1963», отняли в уме 32 от 63 и узнали, что Сильвия прожила на свете 31 год. А теперь задумайтесь — что такое родиться в 1932 году, прожить до 1963 и быть американцем! Давайте «проблекаем» теперь по этому пути.

Год 1932-й. Третий год Великой Депрессии — падают о ней в Соединенных Штатах, по-новому, уже стала генетической, в страх перед возможностью повторения подобного — психологическим даже среди тех, кто родился в шестидесятых.

Когда Сильвию был год, в Германии и власти пришли нацисты. А потом были концентрационные лагеря, потом были печи Освенцима, газовые камеры Давху. Эти страшные слова, как образы времени, выплывают в ее поэзию в виде всепожирающей, всеуничтожающей войны, льющейся кошмаром и детв. В поэма война — это кошмарный образ женщины-Феникс; она погибает, но не перестает угрожать людям своим новым возрождением из пепла, чтоб обратить в пепелища новую жизнь.

Великая невеста поэта к фашизму порождала поэму, чьи образы неводят ужас не читателя. Страшно уже само ее умиротворенное название «Попочка», страшно, потому что отец Сильвии был немец. Умер он, когда девочке было 9 лет. Потеряв нацистскими зверствами, она не может уйти от чудовищного вопроса: а если б жили они в Германии, неужто и отец, любимый попочка, был бы с теми! И страшен конец поэмы — «Лучше б убил тебя я, отец».

1945 год. Хирсосуна. «Я считаю, что личный опыт поэта не должен превратиться в замкнутую шкалу или в некое холодное отражение прошлого. Я твердо убеждена в том, что творчество не может не захватить таких зеленых, как Давху или Хирсосуна (из радиointервью Сильвии Плат). 50-е годы... Колеблется давно мировая война, но кокова эта новая мирная жизнь? Какой образ наиболее точно выражает то время? Известный американский публицист

и писатель Гор Видал писал: «Плюк, граничащий со смертью, воцарился в интеллектуальной Америке». Духовный застой, беснующийся, шельмующий любую живую мысль антикоммунизм... То время определит сейчас одним словом — маккартизм

Из писем к матери

«Апрель 26, 1956 г. Лондон.

Целых два часа провела на приеме у советского посла. Съела бесконечное количество черной икры и пила за здоровье России водку, общалась с Энтони Иденом и Клементом Этли, была представлена советскому послу и его супруге.

Разговаривала с русскими офицерами, упоминали Достоевского, пила за русско-американские отношения. А потом еще говорила с очаровательным блондином, он здесь в торгпредстве. Решили: будем встречаться как простые люди, которые хотят иметь семью, и робить, и нормально жизни, и не будет войны оттого, что мы будем такими друзьями.

И — всколых: «Британский радиокорреспондент прошептал мне в ухо, когда мы зашли традиционным «Потому что они хорошие ребята: «Пойте-пойте — вот не вступат все обратно в Америку».

Она так и не вернулась в Америку — поехала туда с мужем, Тада пригласили преподавать в колледже Смита, где она сама когда-то училась, пожина недалго и не смогли, уехали в Англию. Во-первых, должны были оставить ребенка, и Тада хотел, чтобы это произошло в Англии, а вторых (это тоже из писем к матери). «Странные люди — неужели можно думать только о карьере и как тебе за твою жизнь заплачат! И это наше интеллигентное, преподаватели колледжа. У нас с ними ничего не получается».

Я бы мог приводить еще много примеров тому, как жизнь вырвалась в поэзию Сильвии и как она оценивала события. Конечно же, в ее творчестве они попадали не так, как попадают в газеты, а очень сложными, специфическими метафорами. И все же все они читаются, расширяются. Вот образы жертв маккартизма — Розенбергов. Вот политиканы «с безличными лицами» — «Ям проткнуто все, что не плоско, потому что плоски они сами». Она была поэтом своего времени и поколения, жившего в эпоху «холодной войны», под сенью атомной бомбы, она содала слезы из горечи эпохи и своих очень личных проблем и горестей, и все это эпоха в свою поэзию, ставшую большой советью времени. Будущие не только создаст свое искусство — он в то же время создается им. Потому что даже старые, известные нам герои поверяются к нам со временем новой стороной, а их страдания и мечты так походят на чувства современников.

Знакомый всем Гулливер. У Сильвии Плат это человек, опутанный лозьями моральных пугалов.

Над такими толпы плывут облака, Высокие, холодные, презрительные И плоские —

Без воспоминаний
Со всем непохожие
На белых лебедей
Со всем непохожие на тебя —

1 Письма домой. Составитель *Аурелия Шобер-Плат (дочь Сильвии)*. Нью-Йорк — Лондон, 1975

Их не сковали, не приязнали.
Прохладные, чуть голубые — совсем непохожие на тебя

Ты ложилась на сплне
И сморщилась в небо.
Пигмея скурлила тебя.

Они одели, а потом — и удвоили свои пути,
Путы из шелка —
Это их мелкая азиатка

Как они невадидат тебя!
Ведут они светские разговоры в долгих меж пальцев твоих,
Они, эти червяки.

Они б хотели, чтоб ты уснул, чтоб можно было упрятать тебя, упаковать, пришить футляром, Связать твои ноги, стереть твой след.

А ну-ка — отойдиде!
Отойдита на почтительное расстояние!

А ты — востань,
И пусть твой взгляд будет взглядом орла,

И тень твоих развратных губ — для дилитов пропастую буд.

Передо мной две книги — книга ее писем к матери и книга ее стихов. Странное дело — как два человека. Когда я читаю ее писем, я вижу прозрачно чистый образ женщины. Веселой, лукавой, любящей, влюбленной, любимой, нежной, но мыслящей притом очень трезво, даже практично. Твердо убежденной, что она поэт. Убежденной в этом с первого своего четверостишия. (Отправила его на конкурс в газету — ей было восемь лет. Правильно за лучшее стихотворение была публикация в газете и брошка. «Отправляю вам еще одно стихотворение. Спасибо за брошку».) Со всем другой предстает она передо мной, когда я читаю ее стихи — и те, что написаны кляз глаза, и те, что нужно читать вслух: Жанна д'Ари, воцарившая против несправедливости; Медонна, оплывающая своего сына — мир, в котором она живет. Какая боль — как заживо содрали кфму. И для Сильвии мир тоже был проклятым местом, если в нем жили хоть один обманчивый ребенок.

Литературоведы сейчас говорят — перфекционизм. Пожалуй. Духовный максимализм — пишут сейчас журналисты. Что ж, и это возможно. А как иначе, если ты поэт! Сильвия Плат не была трибуном или политическим пророком. Но вместе с тем она не была отдалена от действительности. Она в двух измерениях одновременно. В своих письмах она глядела на действительность сквозь окно, а в стихах — через зеркало. «Я не жестоко, а только правдиво, как глаз маятника божка» («Зеркало»). Бэ трудно было такими острыми и предельными глазами смотреть на окружающий мир, и потому больше всего она страдала от бесконя самолично уничтожить на свете зло, в каком бы облике оно ни проступало.

В жизни своей она не была героиней. Скорее она была человеком, испытывавшим почти физическую боль от соприкосновения с реальностью. В общении, если в простоте говорить, она хоть и не приняла окружающее, но и не осилила его, не справилась, открыла газ — и все.

Кто о ней говорит?

Теперь мы обратимся ко второму нашему вопросу, а задано, разумеется, посмотрим и что говорят о Сильвии Плат более чем через десять лет после ее смерти.

Когда-то Плат написала такие слова: «Страдания отдельного человека могут быть даже героическими — у него все есть: выбор, как идти на смерть; с высоко поднятой головой или ползти на четвереньках. Смерть и страдания как часть массового производства обезличены. В условиях конвейера даже смерть становится оплошностью!» Слова эти, хотя и не ведают об этом сама Сильвия Плат, оказались вешими. В одном ошибалась Сильвия: ее имя не затерлось и не забылось; но, умерев жертвой — и общества тоже, она воскресла его кумиром. И волею не потому, что общество это сильно не переменялось, а именно потому, что не успевших конвейера «смерть (и, добавим, жизнь) становится оплошностью».

Из писем к матери

«Февраль 25, 1951 г., колледж Смита
«Ну, мамуля, я, Старосте за вешем сказала: "Поздравляю, ты опять вписана на "Доске" — на этой доске вывешиваются вырезки из прессы об учениках Смитовского колледжа. Да, тебе стоило бы посмотреть! Статья под заголовком «Юный трансформатор». Рисунок — имелась в виду я: девочка, что-то с аномальным видом пишет, а рядом... королева! И подпись: «Рожденная писателем Семидесятилетия (два годика назад скинула) Сильвия Плат работает серьезно. Для того чтобы набраться нужного духа для рассказа о фараонах, она масли проработала скотницей». И еще один рисунок, из той же категории, а в краденым слове: «Сейчас я работаю над поэмой о море и надеюсь, что мне удастся устроиться на корабль». Интересно, откуда у них эти сведения! Вот уж не от мамы. Вся эта чушь появилась 23 января в газете «Стер», город Пейора, штат Иллинойс»

— Тебя знаменитая Сивия.

Разве это была чушь? Так, шельсть редактора заштитной газетки. По-серьезному это эзилось много поэме

Сегодня Плат, поспедаватели и имитаторы толпятся на страницах литературных ежеквартальников. Среди королевы красоты, мод и сплетен женских журналов, над которыми она так издевалась, появляются декларации о ее гениальности и элегантно страдания вообще, сопровождаемые улыбочками и невнятыми ее фотографиями (вот уж Сильвия не заботилась о посмертной славе, все фотографии — любительские). Поэт Роберт Лоуэлл словами об утраченности и победоносном совершенстве «ея стихов» утвердил мистифицирующую, критик Алфред Альварес в книге «Яростный бог: Изучение самоубийства» канонизировал последние дни ее жизни.

«Безразличность ее стихов может служить эмблемой нашего времени, и многие молодые читатели восприняли отчаяние Сильвии Плат как единственно стоящую форму существования души. Реваншисты экстремистских жестов, лардажес, несогласия и терзания, ставших не только широко распространенным современным опытом, но также и современным стандартом (подчеркнуто мною. — Т. Г.), уни-

дели в ней Святую. К тому же — вот удобно — она умерла и уж никак не может оказать сопротивления таким трактователям ее образов».

Нелепо было бы отрицать, что Сильвия Плат была человеком легкоранним, нервным, человеком настроения. Верно и то, что ее поэтический мир был скорее мимолетным, а иногда и близким к отчаянию. Но ведь были у нее и другие минуты — она танцевала в радости, к счастью устроенной жизни; она горюла любовью своих детей — дочь и сына и близких ей по духу людей... Но нет всех этих качеств в хрестоматийной Сильвии Плат — фатальность, болезненность, душевные стеснения, такой стала Плат сегодня.

Итак, «безразличность... несогласие... терзания... современный стандарт...». Неужто и в самом деле столь много сегодня в Америке людей, которым нужен такой стандарт и такая святая? И не было ли какой-то десяток лет назад начинался с болезненного восприятия конкретных явлений западной действительности, с несогласия воспринимать ее конкретные нормы и конкретную мораль. Но годы и события размыли у какой-то части радикалов их прежние настроения, превратили его в эгоистическое, сумеречное, обращенное в себя страдание души. Как размыли сегодняшние апологеты поэты прежний реальный облик Сильвии Плат, чья душевная драма порождена была ее нежеланием и неумением вписаться в их материальный мир. Вписали посмертно, превратили ее в символ отчуждения и терзания для возмущенных интеллигентствующих душ.

Почему о ней говорят?

Если верно, что нынешний джентльмен делает портовой, то уж то, что нынешний «герой» — продукт массовых средств коммуникации, — это точно.

«Еще совсем недавно, когда появлялся великий человек, еще задушевными, считая это божественным предначертанием. Когда «великий» появляется в Америке сегодня, все спрашивают, кто его агент по связи с прессой», — говорил социолог К. Бурстин.

Опросы, проведенные в США, показали, насколько сегодня смешались, девальвовались понятие героя, по существу же, во всяком случае, когда речь идет о современности, имеют в виду не героя, а знаменитость, что на языке Америки значит хорошо разрекламированную личность. В обществе псевдособытий знаменитость — чаще всего псевдогерой или его заменитель.

Случается и так, что человек и в самом деле может быть знаменит благодаря своим подлинным достижениям в науке или искусстве, но они известны и тем более понятны очень ограниченному кругу. Для широкой же массы он становится известным — вот переводок — за те свои «заблуждения», о которых раньше вообще никто не знал. Пишут о том, где он был, с кем он был, во что одевается, кто ему шьет, что сказал о.

Чего только не делают современные массовые псевдогерои, чтобы стать знаменитыми. Но все это псевдопопулярность... В капиталистическом обществе сегодня быть подлинным героем — по существу, оставаться безызвестным. Ибо как только че-

ловек становится подлинным героем или хотя бы потенциально не таким, как это, он становится неудобным, непредсказуемым, плохо управляемым. Чтобы сделать его таким, как все, его образ коммерциализируется, растворяется в пустяках и тем самым нивелируется, нивелируется — и уже в таком виде канонизируется.

Особенно буржуазной пропаганда «удобным» героям умерше. Знаменитость очень быстро устареет и забывается еще при жизни. Вот почему их вытесняют в таком количестве. Герой умерший или погребенный становится бессмертным в памятниках людей мучеником. Никому производят «персудуку оролов», в результате которой из личности протестующей он превращается во вполне официозную личность, которая теперь уж будет служить тому, против чего вставала при жизни. Именно это сейчас пытаются сделать с памятью Сильвии Плат. Образовалась вакхансия «на долах для интеллигентов» — и хоть звучит это кощунственно, но, по окончании жизни самоубийством, она прошла по конкурсу на замещение этого вакханского места.

Нет, она не была героиней. Хотя я твердо убежден: человек, дарящий миру поэзию, совершает подвиг.

В 1970 году английский литературовед Чарльз Ньюман выпустил сборник «Искусство вписаться в мир». В нем много подобных сборников, а нем были работы о наставлении поэта в мировой литературе, список недавних произведений, библиографический указатель. В общем, солидное академическое издание. А в конце — неординарная глава, написанная критиком Мари Кинзи. Она попыталась проследить, как относились к творчеству Плат критики при жизни поэта и потом, проследить развитие «культы Плат»: «Мне кажется, будто сейчас Сильвия Плат превратилась во что-то вроде товара, упакованного в стихи и знаменитых датках рождения и смерти. Она превратилась в друга критика М. Розенталя, сказанные о «Юлоссе» в 1961 году: «Кинга, пожалуй, слишком длинна». Мисс Плат слишком искусна в словесной игре... Кинга обнаруживает недостаток вкуса». В 1967 году в журнале «Спектатор» он сказал следующее: «Уже в «Юлоссе» Сильвия Плат обнаружила всю мощь своего таланта. Отчаянный же голос вызвал и чувством читателей в каждой строке. Может быть, не совсем этничным пример — критиком — имеет право на трансформацию своих вкусов армия адет. Только у Кинзи таких примеров много.

Прошло шесть лет. Издано четыре книги воспоминаний школьных подруг Сильвии Плат. Издана книга А. Альвареса «Письма домой».

В рецензии на «Письма», опубликованной в июле 1976 года в журнале «Экзистенция», Энтони Тудейт писал: «Как-то мне выдался долгий и трудный вечер — я убеждал 20-летнюю дуреху, влюбленную в Плат и пишущую «под ивея, что самоубийство — далеко не единственный способ познать ее поэзию».

Сейчас я читаю «Письма домой». Великолепный памятник дочерней любви... Но вообще — не слишком ли много мы о ней пишем? И зачем это? Мне невозможно страшно — вдруг выйдут из дома в одно прекрасное утро, а у твоего на углу — эфиси: «Новый мюзикл «Кто ты, Сильвия»

Меня бы это не удивило. Время идет.

¹ Ирма Хау Отколотись чуть от восточный Лондон. 1973.

НА СТАНЦИИ

ПОД НАЗВАНИЕМ «КРИЗИС»

Азарий МЕССЕРЕР

Если вы честный и искренний человек, желающий изменить мир к лучшему, звоните нам по телефону...

Это странное объявление, напечатанное в американской газете «Денвер пост», попало на глаза Синтии Слотер. У Синтии были все основания считать себя «честной и искренней», тем более у нее были основания ждать перемены мира к лучшему: с учением не клеилось, пробова-ла найти работу — безуспешно, в семье неурядицы. Синтия позвонила по указан-ному телефону. Ей ответил любезный женский голос, разъяснивший, что речь, дескать, идет о международной религиоз-ной организации, хотя по целям она в каком-то смысле напоминает «Корпус ми-ра»; короче, сказал голос, разумнее было бы звать для личной беседы с одним из ее лидеров.

Синтию встретила улыбающийся молодой человек, коротко постриженный, одетый просто и опрятно. Говорил он с немецким акцентом. После короткого вступительного слова предложил Синтии провести уик-энд в чудесном загородном особняке, где она узнает подробнее о целях организации...

18-летняя парижанка Ариан Жеро тоже переживала трудные дни. Умер отец, пер-вая любовь оказалась несчастливой. Она чувствовала себя одинокой. В метро к ней подсел молодой человек, корректно одетый, коротко постриженный, с вежливой улыбкой. Он заговорил с Ариан о пробле-мах молодежи — безработице, наркома-ниях, падении нравов, о том, как важно найти свое место в жизни. Наконец, он пригласил Ариан на уик-энд в уютное за-городное поместье неподалеку от Парижа, где у нее будет возможность встретиться с ровесниками из одной молодежной органи-зации, «стоящей на верном пути». Кстати, организация может предоставить и инте-ресную работу...

После лекции в Токийском университе-те к Минько Гото подошел приятель и пригласил провести с ним уик-энд в заго-родном доме у реки. Будет лекция, песни, интересная компания, познакомится с но-выми идеями. Спустя две недели в доме Минько произошел следующий разговор:

— Какие новости, сынок?

— Новости хорошие, отец. Я открыл для себя наконец смысл жизни. Мне ка-жется, я познал истину. Понимаешь, в на-шем мире творится что-то неладное. Про-цветают коррупция, наркомания. Люди перестали верить друг другу. К счастью, появилась наконец сила, которая может все изменить. Она провозгласила скорое наступление «новой эры». Но для этого нужно еще много трудиться, и я принял к этим благородным людям. Я ухожу, ты меня, пожалуйста, не ищи. Потом я тебе напишу....

Что же произошло с этими тремя моло-дыми людьми из столь далеких друг от друга стран? И что это за организация, столь успешно вербуемая в свои ряды мо-лодых и плохо устроенных в жизни людей? Что она, в конце концов, им предлагает, кроме перспектив «новой эры»?

Каким только культам не поклоняются в наши дни! В одних сектах дожидаются в пустынях прилета космических аппара-тов с другой планеты, в других бьют по-клоны ядовитым змеям и молятся, держа гадюк или кобр в руках. Только в США, по данным журнала «Ю. С. Нью энд уорлд рипорт», сегодня около 1000 сект.

«Многие молодые американцы радикаль-но изменили свой образ жизни; не со-

циальные бунты, не наркотик, а религиозные культы захватили их в последнее время», — пишет этот журнал.

Типичный портрет современного богоскителя таков: юноша или девушка из среды так называемого среднего, довольно хорошего экономического класса, с незаочным университетским образованием. Вещная часть эти молодые люди имеют. Песнями «бунарские» прожорло — притяжыныны капсусы помнят еше события конца шестидесятых. Еше чаше это их младшие братья и сестры, это чужо-давшие на тот бунарский «поезд» поколение; «поезд» и в самом деле ушел, оставя на их станциях все тот же огромный груз вопросов и проблем. На станциях под названием «экономический кризис» всегда хваляты вопросы — и о хлебе для тела, и о хлебе для души. С хлебом насущным проще: у большинства родителей тех ребят, о которых идет речь, средств хватает и на себя и на детей. Но чем наполнить душу? Может, и есть остаться индженером, благо готовых рецептов «каким быть?» хоть отбавляй, на любовь, как говорится, деньги?

Духовность, душевность, идея — это вполне земные, точные, есан угодно, это вполне простые слова. Молодой душе остро необходима идея, к которой можно шаты и шаты, как вера, за которую можно держаться, или бог, на которого можно надеяться: или герой, о котором можно мечтать... А на станциях под названием «кризис» говорят: «...о чем, впрочем, могут там говорить? — о вакууме идей, разумеется, о кризисе веры».

Нет, нынешнюю радикально настроенную молодежь официальная церковь вряд ли к себе привлечет — слишком космополитизировала она себя, завыщая те самые буржуазные ценности, которые молодежь отвергла. Тогда и стали появляться на этой необычной сцене общественного духа еще более необычные, так же далекие от общепринятой религии «спасительные вероучения».

Опыт последних лет дает возможность нарисовать не только типичный портрет богоскителя, но и типичный портрет бога во плоти, мессии. Он примерно таков: происхождение по преимуществу восточное (это дает возможность подключить к делу туманные термины, диковинные обряды); сама личность «спасителя», его, так сказать, внешни вид — как это ни странно на первый взгляд, обычно преферентен; поведение (особенно во время массовых ралей, на манер поп-фестивалей) — эксцентричное, вызывающее. Короче, спаситель — это антигерой общества, которое он намерен спасти, у него все не как у людей. И все же причина, по которой он тем не менее становится героем, для части молодежи Запады довольно ясна — именно потому, что эта молодежь не приемлет официальных героев общества, она (учитесь притом к чему «наивность») доверяет нестандартным самозванцам. Но вот вопрос — как же общество-то, наущенное обаяниями рога и не таким «героям», терпит именно таких? Попытаемся ответить на этот вопрос на примере последнего из мессий.

Имя мессии — Сан Мьюнг Мун. Заметьте, имя это, а точнее псевдоним, звучит особенно привлекательно для жителей англоязычных стран: в нем и солнце (сан) и луна (мун) одновременно. Впрочем, и сама его последовательность называют и новым Христом и новым Адамом. Может быть, он и впрямь хорош, как библейский Адам? Отнюдь. Толстая, как ланка действительно круглым, как луна.

Благочестив и свят? Только не он. Неоднократно был судим за разврат и в конце концов лишен сана священника пресвитерианской церкви в Южной Корее. Правда, это не помешало ему основать свою собственную, так называемую «унификационную церковь», или секту, под весьма сложным названием: «Сообщество за унификацию мировоззрения христианства» (АУИНС). Но, может быть, у него оригинальные идеи? Изложенные в книге «Божественный принцип», они, по мнению специалистов, являют собой механику из евангельских проповедей, оккультизма, таоизма (китайское религиозное учение), социологии, контркультуры, ньюмерологии (фетишизация чисел), и бог (или Мун?) знает еше чего. Есть там даже термины из атомной физики; например, по Муну, отношения между людьми в человеческом определенно по причине взаимодействия между протоном и электроном. Его конек — идея об «идеальной семье». Сводится она к следующему: Адам и Ева не смогли создать идеальную семью, как им предисла бог, ибо сатана в образе змеи совратила Еву. Тогда через некоторое время бог послал на землю Христа. Но и он не успел найти себе достойную жену и создать идеальную семью, ибо его, как известно, распяли. Новый Адам, говорит Мун, по воле божьей должен был родиться через 2000 лет, точнее в 1980 году в Корее. Тут Мун немногого терпит: с одной стороны, он сам не называет себя посланцем бога, но, с другой, и не отрицает такой возможности. «Разве Христос называла себя мессией?» — загадочно спрашивает он. На чем твердо настаивает Мун, так это на встречах и доверительных беседах с Иисусом Христом, а также со всеми библейскими апостолами и Буддой. Впервые, по его словам, Христос явился ему в 1936 году в день пасхи, когда он молился на горе. И сказала Христос по-корейски: «Ты, Мун, должен сделать то, что я не сумел сделать». То есть создать идеальное семейство.

Задание, хотя и ясное, оказалось хлопотливным. Мун довольно долго искал подходящую Еву (три неудачных женитьбы, а между ними судимости за разврат). Но в конце концов он ее нашел. Она, то есть четвертая Ева, тоже корейка, родила ему 8 детей, и хотя еше не достигла «духовного совершенства» своего мужа, полагает надежды.

В 1972 году Мун на главе «святого семейства» прибыл в США, чтобы «сделать» заурядный проповедник с весьма сомнительным прошлым собрать огромную толпу слушателей в знаменитом виде Нью-Йорке? — вопрошала репортер журнала «Таймс», описывая первое его крупное публичное явление. И отвечает: «Очень просто. Он выпускает на улицы две тысячи неутюженных, величавых, но настоящих молодых людей, которые предлагают прохожим бесплатные билеты. Он отваливает 300 тысяч долларов на рекламу, что включает публикацию двухколесных объявлений в газете, раздачу листов, визитные анонсы, и объясняет стены домов во всех районах города своими портретами, на которых улыбаются во весь рот. И народ валом валит на стадион».

Но откуда зазвезд у Муня «еде тысячи неутюженных, величавых, но настоящих молодых людей» и откуда зазвезд деньги? Начнем с главного, с денег. Надо сказать, что Мун прибыл в США не в рубаше и не верхом на осле, как Христос в Иерусалиме, а как уважавший себя миллионер — в собственном роскошном самолете, как лотка капитала в доме, в Южной Корее, где он является хозяином таких крупных

фирм, как «Тенджинг индустриал компани», производящей оружие, и «Ильха фарматика компани», выпускающей лекарства. По существу, Мун стал одним из крупнейших бизнесменов, доход его предприниматель составил 10 миллионов долларов в год.

Успех этот объясняется одним важным обстоятельством. Дело в том, что, кроме апостолов, у Муня есть и другие друзья: среди них — президент южнокорейский диктатор Пак Чжон Хи. Последний, как известно, засадил в тюрьму тысячи своих противников, в том числе и немало священников. Однако Мун его покорил. Пак считал, что, присоединяясь к секте Муня, молодые люди тем самым выказывают лояльность его режиму (нужно сказать, что на предприятиях Муня работают, причем за символическую плату, тысячи adept его секты). Главные помощники самого Муня — два полковника секретной службы Пача, покровительствующие ему, называют филиалом американского ЦРУ. Оба они были в течение долгого времени военными атташе при южнокорейском посольстве в Вашингтоне и, без сомнения, сделали немало для установления связей с США.

Однако при всем своем богатстве (в Нью-Йорке у него сейчас 25-комнатный особняк, 35 человек прислуги, две яхты стоимостью 250 тысяч долларов, бронированный «лимузин») Мун едва ли мог развернуть рекламную шумиху подобного масштаба на собственные средства. Так называемый «феномен Муня» стали внедрять в американскую жизнь, как кока-колу. Журналы и газеты застрелили его фотографии, на которых он, как правило, запечатлен с какими-нибудь известными политическими деятелями. Радио и телевидение щедро отдавали ему наиболее слушаемое время. Мун вещал: «Как только мы пробуждем достаточный интерес к нашему движению в стране, избранной богом (то есть в США), я с помощью средств массовой информации распространю мои идеи по всему миру, а когда половина населения земного шара перейдет на мою сторону, я переверну мир вверх тормашками».

Конечно, при следующей встрече Христос мог бы вполне упрекнуть Муня в определенном отходе от целей миссии — создании «идеальной семьи», а наивные слушатели, в свою очередь, — в хлостовстве, граничащем с помешательством. Но Мун вполне изменил и главную цель из вида не упускает, а свой бред подкрепляет подачей в еженедельных выпусках американской жизни сил, способных жить в его «божественное предприятие» солидные средства. Завеса секретности, ограждающая связи Муня с деловым миром, с ЦРУ и Пентагоном, немного протрывается, когда он дает обеды в знаменитом нью-йоркском ресторане «Золдорт Астория». Здесь можно встретить директоров крупных компаний, производящих оружие, ультраправых конгрессменов. В толпе знатных гостей то и дело мелькают мундирные генеральские погоны. Не туманными проповедями о любви к ближнему, не бреднями о личиных беседах с апостолами привлекает Мун этих господ. Они сделали на него крупную ставку, ибо знают, что главная цель его движения — антикоммунизм.

Мун не скрывает, что стремится создать ударную силу из послушной ему массы «солдат божьих» для «нового крестового похода против коммунистов и секс-лешых». Это Мун был инициатором созыва двух конгрессов так называемой «антикоммунистической лиги» в Азии. Это Мун

призывал сбросить на социалистические страны атомные бомбы «Царство божье могло бы существовать уже в 1954 года, если бы генерал Макартур осмелился тогда сбросить атомные бомбы», — заявил он. А портреты, установленные в центрах АУМС по многим странам, Мун умел не умиляться, а тактично добродушно, снисходительно вальсировать. С утра до вечера подле него стоят на коленях дети-«мунисты», истово молятся, повторяя: «Святой отец, помоги, святой отец, спаси».

Вот мы и подошли к главному вопросу — как удается этому (пользуясь языком религии) сатане совратить десятки тысяч (по его словам, даже 2 миллиона) достаточно образованных, честных и искренних — помните обывателей в газете или в школе? Собственно, этот вопрос задают многие, прежде всего несчастные родители «мунистов»: «Стоит подумать о качестве нашего образования», — говорит мать одного из них. — Мы набиваем головы наших детей всевозможными знаниями, но игнорируем все, что касается формирования «критического мышления». «Все дело в нашем обществе», — говорит отчаявшийся отец, у которого три дочери бежали из Муну, — что оно может дать им взамен?»

Все так, но ведь на эти ответы — ответ. Может быть, вот с какой цитой изгазуют: святой, неземной Сэн Мьюнг Мун предлагает своим молодым (заметьте: молодым!) последователям вполне земные, совершенно реальные и отчетливо выполнимые вещи. А именно: жить в чистоте, труде и взаимной любви. Быть моральными людьми! Плохо ли? Да прекрасно! (И так, кстати, непохоже на практические лозунги Запада: ты должен быть правым, лучшим среди других — вот так и надо делать, чтобы жить в чистоте, труде, почитать, соблюдать, выпить, надеть, продать и убить.) Все это действует на человека с нормальной моралью в ненормальном моральном окружении. Так действует, что цель действий теряется. Да и плохо ли: просто делать хорошие вещи и дела, приятные, не связанные с обманом других... И еще в одном нам святой, неземной Мун вполне практичен: он к этим выбитым из жизни все той же жизнью людям, в люди, тянущимся к добру, как чуду, применяет вполне заведенный, точный, рассудительный подход. Психология, обывательная психология! Него только ею не достигали на пути превращения человека в послушное животное...

На службе у Мунда целый штат психологов, которые и разработали методику «промывания мозгов», или, по-научному, «программирования сознания». Проходит этот процесс обывания человека несколько ступеней. Первая — это тот самый укр-из в загорадном особняке. Там главная задача «мунистов» — покорить, расположить к себе рекрута. На их «камере это называется «бомбардировать любовью» («ава бонинг»). Вот что рассказывает уже знакомая нам парижанка Ариан Жеро:

«На визале Обле компания молодых людей угостила меня чаем с пироженками. Все они старались услужить, вертели вокруг меня. Сразу начинаешь чувствовать себя значительной персоной. Нас спросили, какие мы знаем песни, и мы стали все хором петь. Девушки виконмирали на гитаре, и мы тут же появились в позавчера друга Нада, которая держала мою руку в своей и мило ухаживала за мной».

Очарованные новобранцы соглашаются приехать вновь, на этот раз уже на неделю в один из учебных центров «ассоциации» (только в США подобные центры

имеются ныне в ста городов). Там обстановку совсем иначе. Обработка ведется и днем и ночью — либо «духовным наставником» в индивидуальном порядке, либо во время лекций, которые продолжаютсся по 6 часов. Вопросы задавать не разрешают: «Потом, потом все поймете, сонение — это искушение дьявола». Цель такого «спасительного насилия» — разрушить у человека логической строй мышления. Связи между предметами, действиями и явлениями упрощаются до минимума, все делится на черное и белое — это совершается по воле божьей, а то — по воле сатаны. 19-летний американец Джон Райс говорит, что к концу недели он стал ловить себя на том, что, даже открывая водопроводный кран, думал: «А нужно ли это богу или сатане? Но почему, если он не богу, что их держит в атак востание дьявольских центров? Синтия Саотер, откликнувшаяся, как вы помните, на объявление в газете, рассказывает: «Я хотела уйти, но мне все время внушали, что это сатана пытается меня оторвать от бога, потому что именно меня всевышний избрал для участия в создании рая на земле. Я чувствовала, что кто-то держит у меня над головой бомбу, которая взорвется, если я уйду».

Короче, примерно четвертая часть рекрутов остается. Их направляют на 100-дневную практику в крупнейших центрах Мун. Строительство одного из них, близ Тарритауна (США) обошлось в 1 миллион долларов. Туда привозят новобращенных со всего света. Многим, естественно, импортирует заграничный возж. Однако дисциплина в этом «райе» казеннейшая. Здесь уже ведется обработка в массовом масштабе. Прибывших разбивают на большие группы, во главе каждой из которых поставлен лидер — «жесткий Мун». Разные «мунисты» передают ему все свои сбежения, чековые книжки и даже права на наследство. Встают в 8 утра, и начинают день: гимнастика, коллективные молитвы у портрета Мунда, лекция, скудная пища — фасоль и горький салат, к которому подмешан женьшень, и снова лекция — и так до достижения полной физической и моральной «кондиции». Постепенно у всех появляется на лице одинаковое выражение: отсутствующий взгляд, странная, как у кукулы, улыбка. Тут они готовы для обряда посвящения, который обставлен в высшей степени театрално.

Примерно в 5 утра их всех поднимает криками «проснитесь и светитесь». Начинается моление, все дрожат от холода и нерешения — вот-вот должен появиться сам «мунис». И он приезжает на черном бронированном «длинноколке» в сопровождении целого взвода телеаппаратчиков с холодильными аппаратами и автоматами. В длинном белом балахоне, в короне, он ведет всю процессию на вершину горы. Там он возвращается с силой к восходящему солнцу, так, чтобы над головой у него (ведь как рассветает время!) образовался нимб из лучей, и восклицает: «Я ваш мунд, ваша воля!» — «Да, ты наш мунд, наша воля», — хором отвечают «мунисты».

...Много общего у движения Мунда с нацизмом: и муштра, и массовое обывание, и антисемитизм, и даже подбор супружеских пар для выведения «чистой расы». Мун сам по фотографии отбирал пары, которые после нескольких лет работы его организации должны были принести обряд массового венчания (личней рекорд Мунда — две тысячи венчаний в день. Рекорд установлен в Сеуле, куда пары прилетели со всего света).

Но как же живут эти «благословенные

семьи, чем занимаются, кроме вымощивания «идеальных детей» и моральной подготовки себя к будущему «крестовому походу против коммунизма»? (Мун заявляет, что уже сегодня может «отправить» миллион добровольцев на войну с КНДР.)

«Мунисты» делятся на несколько «рабочих подразделений». Одни по 10–11 часов выкашивают на предприятиях Мунда, другие обшивают женьшенем, поставленным агентами Мунда из Южной Кореи, третьи распространяют газеты Мунда. Многочисленная группа занимается мелкой торговлей взростом. По 16 рабочих часов в сутки они простаивают на ожигательных перекрестках городов, продавая леденцы, орехи, цветы. Каждый обязан принести в кассу «муниса» не менее 50 долларов выручки за день. Вероятно, на эти деньги в прошлом году был куплен 42-этажный особняк — отель «Нью-Йорк» стоимостью в пять миллионов долларов.

Многие родители пытались похитить своих детей из лагерей Мунда. Они нанимали психиатров, так называемых «депрограммистов» — и это стало весьма прибыльной профессией в США. Депрограммисты в течение нескольких недель проводят с нацистами по многу часов в день, стремясь освободить их от навязчивых идей, внушенных им в секте. Это удается далеко не всегда. Трижды супруги Хеландер похитили свою дочь, и трижды полиция увозила ее обратно в секту. Ведь она совершеннолетняя и, значит, по закону воляна распоряжаться собой. Обращались в суд на Мунда и его секту дело накладки. В его распоряжении прекрасные юристы: супруги Хеландер, например, истратили на судебные процессы 40 тысяч долларов, в конце разорились, но так и не смогли выволочить из секты дочь.

Гавардский психиатр Джон Кларк свидетельствует: «Я просмотрел десятки молодых людей, оставшихся эту секту. Все они и физически и эмоционально истощены и нуждаются в длительном лечении». Психиатрическое отделение больницы в Берритауне, близ Нью-Йорка, заполнено бывшими «мунистами», страдающими от мания преследования. «До сих пор, хотя прошло уже несколько лет, мои дочь борется, что сам Мун придет и покажет ее за отречение. Это уже свидетельствует одного из жителей ФРГ, в которой находится самый крупный в Западной Европе филиал секты Мунда.

А теперь перенесемся с вами на несколько десятков лет назад и представим себе Германию 30-х годов. По улицам Мюнхена бредет парень по имени Пауль. Насущнее у него скверное. Потерял работу, только что была ссора с родителями. Отец назвал его пустым человеком, без цели в жизни. Его внимание привлекает вывеска: «Молодежный клуб». Заходит в небольшой прокуренный зал, берет кружку пива и садится за столик. На сцене оратор с черной повязкой на руке. Снова его точно обращены к Паулу. Он говорит о безразличии, инфляции, падении нравов, о том, что молодежь потеряла, у нее нет высокой цели. «Да, да, но как все это изменить?» — думает Пауль. «Длинная, моральная вооружение всех исторических немцев, новые идеи фюрера о национал-социализме», — впечатываются в мозг Пауля слова оратора. В тот вечер он вступает в организацию гитлерюгенд.

Сегодня Пауль Вернер, бывший член гитлерюгенда, возглавляет филиал секты Мунда в ФРГ.

БЭБИГАНГСТЕРСКАЯ ИСТОРИЯ

Отчего это нам не страшны злодеи, обманщики, гангстеры и бродяги, насмешливый рассказы О'Генри? Если разобраться, то не только из-за авторской иронии, но и из-за того, что все они — устные, бородастые, со шрамами, наклонными и pistolными — остаются детьми. Они и к миру-то относились как дети.

Этот же «уловкой», но впрямую, воспользовался режиссер и сценарист нового музыкального фильма «Багси Мэлони» англичанин Алан Паркер. Фильм о Нью-Йоркских гангстерах 20-х годов. Как говорил, васький фильм.

Что же может быть веселого в иррелевантных гангстерских историях? В них-то ничего, а вот пародия на многочисленные гангстерские фильмы вполне может оказаться такой. Все роли в «Багси Мэлони» (имя главного героя) играют дети (средний возраст артистов — 12 лет). Дети, которые выглядят ироничными зрелищным отображением знаменитых актеров и актрис — прически, дуэтированные костюмы, штилеты, платяная фасона «чарльстон» с неприменной ниткой до плеч, декорации, точно воспроизводящие Нью-Йоркские кварталы времен гангстеров; по улицам мчатся точные копии «Фордов» (правда, педальными); из окон «Фордов» строчат тонкие копии ручных пулеметов «томпсон» (правда, стреляют они пирожочным ирвом). И главное — накладка ситуации в точности напоминает в свое время всерьез поставленную на экраны... Только дати-актеры отдадим им должное — по справедливости относимся ко всем этой серьезной игре в серьезную жизнь, к детскому и детской игре.

НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ

Как-то уже привычно стало говорить о художниках, писателях, актерах с утра пропущенных знаменитых. И французскому поэту Мартину Мельману слова пришла с вечерней почтой:

«Мы с радостью уведомляем Вас, что Вы избраны почетным членом Бразильской академии гуманитарных наук. Принимте наши поздравления и проч...»

Намидер академии доктор Хьюго Шлезингера.

Мельман немедленно приступил к выполнению формальностей, которые перечислены на второй страничке послания. «Прочетный академик» должен был выслать по указанному адресу в Бразилию автобиографию, названия опубликованных трудов, организаций и клубов, в которых он состоит. И, кстати, 150 долларов для изготовления медали и почетного диплома, а также на почтовые расходы.

Утром в бразильском посольстве в Париже не переждав звонка телефона (подобные письма получали, оказывается, многие деятели французской культуры): «Нет никакой у нас академии», — устало твердил культурный атташе — доктор Хьюго Шлезингера нет. Увы, 150 долларов мы вам вернуть не можем».

ТОМОГЛА. Американские тамошники обнаружили новый вид контрабандной торговли между США и Мексикой. Мексиканцы поставляют... тарантулов, из которых используют американцы как качество «лохоточки» — для защиты жилищ от воров. Один улиточный тарантул стоит 30 долларов.

ПРОБЛЕМЫ ГОРОДОВ. Как заставить

ньюйоркцев ездить в метро, если это так опасно? Юристы в подзаконных писали много! Муниципалитет города придумал очередное решение. Собрали в студии грампластины 20 знаменитых ньюйоркцев — певцов, музыкантов, актеров — и записали с этим хором веселую песенку. Прилеп таковой: «Всем хорошо для Лондона автобус, но лишь в метро объединяет весь Нью-Йорк». Доходы с пластинок пойдут на улучшение обслуживания пассажиров.

Была и вторая часть: быть может, приятная мелодия привлечет любовь к метро хотя бы любителями поп-музыки?

НОВОСТИ НАУКИ. Красны, как известно,

издана считались предвещниками кораблекрушений. Но, если верить лондонской «Таймс», в наши дни они могут служить тайные индикаторами экономического положения страны. Рамыше Англия импортировала большое количество этих животных из других стран — для использования их в научных экспериментах. В прошлом году ввоз красн резко сократился. Объясняют это тем, что научные лаборатории значительно сократили объем работ, да и ученые бегут из поразившей красной Англии.

СУПЕРМЕН В НОВОМ ЦВЕТЕ

Точнее — Майтмен (от англ. mighty — могущественный). Точнее для черных. Впрочем ЮАР, где действует Майтмен — герой специальной серии комиксов, издаваемой для коренного населения этой страны, «черный» и «белый».

Итак, чем отличается Майтмен от своего американского собрата? Во-первых, во-вторых. А во-вторых ничем. Задача Майтмена столь же проста, как и у его американского коллеги, — убедить словом и делом «нахорющих людей» (в данном случае цветных), что все будет прекрасно, если они будут себя примерно вести. В расстрел за Союзом сами ведь борцы за гражданские права — «нахоры» спровоцировали выступления. И Майтмен говорит (за точность цитаты ручается американский журнал «Ньюсуик»): «Вопре, благословенное молодое поколение, охраняющее наше общество от разрушения».

Некоторые «нахорюшки» южноафриканцы говорят, что комиксы эти принимают цветных бесприсловно принимать власть белых. Издатель же «Майтмена» — южноафриканский газетный магнат Йонас ван Зил Алберти и его американский компаньон Джон Маннофф — возмущают: «Наш комикс образовательный. Он помогает африканцам познать ценности западной демократии». Что тут возразишь? Правы издатель.

AFRI-COMOS PRESENTS

ПОБЕДИТЬ ПРИ «ВАТЕРЛОО»

Обычно бывает так: песня, победившая на ежегодном конкурсе Евровидения, мессидорской гонимой по всему миру, а затем и она, и ее исполнители исчезают безвестно. Небольшая печальная закономерность: лишь победитель квартет «Абба». Они выиграли конкурс Евровидения в 1974 году с песней «Ватерлоо», и на тот раз симпатии миллионов телезрителей были оправданы. Группа известна уже около десятилетия «сороклетие», и некоторые из них — «Фридадо», «Боб» — имели даже большой успех, чем извлекать «Ватерлоо». Неодолжительно расклявшийся квартет «Победители Евровидения» как-то сам собой стеснялся, и группа обрела творческий статус.

Возникла идея в 1972 году, а название его — первые буквы имен участников: левый Алма и Ангелия, гитариста Бюрна и пианиста Бениа. Музыкальные стили «Абба» — это поп-музыка, танка, пезамисловая, но в те время прирочно исполнение, декламация и эффектнее.

Как имя собирав в фирме «Мелодия», в этом году выходит лицензионный диск «Абба».

«Я — УБИЙЦА!»

Лэрри КИНГ,
американский журналист

О и на сцене — высокая черная шляпа вроде той, что носил певец Том Микс (только у Микса была белая — Хорошему Парню приличествовал белый цвет), от шляпы до шпор увешан фальшивыми бриллиантами, массивный, в мрачном джинсовом костюме. Как всегда, выступление начинается словами (которые старательно вписывает и в каждую пластинку — чтоб не забыть!): «Ну-ка, деревенщина, стойте прямо да трещите — перед вами Дэвид Аллан Коу, Теннессиный Бриллиантовый Ковбой! Ежели вы не желаете трепнута, он охотно пообещает сломать вам парочку ребер. И уж непременно скажет он вам — это он доверительно сообщает на каждом концерте обитателям перьях радю, — что чудом удалось избежать ему смертной казни, потому как в тюрьме штата Огайо дали в зубы одному коллеге по отсижке, а тот оказался таким слабаком, что откинул копыта».

И вот сейчас, здесь, странно теплым февральским вечером в Джигли-клубе в Пасадене Дэвид Аллан Коу высасывает библейские проклятия из «этих паразитов из «Роллинг Стоунс»¹, обещая покале-

чить их, если они не прекратят клетенническую кампанию. Далее он посвящает надтелу и редакторам журнала собственную композицию под названием «Выбить бы из нас мозги». Гитары звон, толпа улюлюкает, рычит — этот старательный «старый паршивец» сумел затронуть самые нутряные струны ее души. Коу важничает, Коу хмурится, вызывая на него, и глухой подросток в тесноте своих джинсах любовно обращается ко мне: «У, адрово!»

Коу набивается к микрофону: «Эти писки из «Роллинг Стоунс» должны радоваться, что старый Бриллиантовый Ковбой еще не потерял чувства юмора, а то другой бы на моем месте нанял парочку профессиональных убийц и выбил из них курные мозги. Но они и того не стоят». Кивает в ответ на одобрительный смех зала и разражается довольно живой интерпретацией «Танцующего издалека Дакоты», затем смекает баллада «Когда я в Далласе был молодым коваем».

После Коу хвалится, как он душу отдал, адростал наруганившись пару дней назад в какой-то радиопередатке. Странное дело — хотя Коу явно хочет, чтоб его музыку воспринимали всерьез, все равно остается впечатлением, что песни — лишь разбавка между настоящими его номерами: кровавыми байками о себе и о воображаемых врагах.

Дэвид Аллан Коу взъерился на «Роллинг Стоунс» потому, что журнал, видите ли, начал распространять слухи, будто он никого никогда не убивал! Представьте! Нет, только подумайте! А они-то сами убивали кого, а? Сидят себе, чистюльки, в своих офисах с кондиционерами, тычут кривыми пальцами в машинку, а из машинки выходит адский полк: статья, которая может погубить честную дурную репутацию человека только потому, что тот не может представить редакция труп, сработанный им двенадцать-тринадцать лет назад. Ну, дальнейшее мы, вероятно, знаем: сначала журнал «Кантри Мьюзик» усомнился в Дэвидовом преступлении; потом эта телепередача в Далласе, и вот — ишь ты — уж и ребятишки-поклонники посмели занять свои сомнения!

Вообще-то тюремное прошлое — частая приправа к биографии певцов «кантри-энд-вестерн». Это вроде как признак силы, смешанной с несчастливостью — то вспылчивый, но честный ковабой кого-то отлупит (естественно, защищая девушку или бедняка), то беднягу причуд за решету нава украденного куска хлеба, и так далее. То есть преступления их — лишь проступки, давно оправданные перед лицом высшей инсты.

Но Коу отличается от всех этих стандартно нестандартных одиноких ковабей подачей своего прошлого в крупную клетку. Хаттард, Кам¹ и прочие говорят о прошлом стадилю, голосами, дрожащими от искренности. Это расклевывшиеся грешники, дурные овцы, вернувшиеся в стадо. У Дэвида Аллана Коу — никакого такого слюнякства, детки! Он на сцене — все еще непредсказуемый хулиган, колоритный отброс общества, с детским удовольствием выкрикивающий ругательства.

Коу прекрасно видит, что его аудитория с не меньшим удовольствием заглатывает эту грязь, что маленькие мальчики за свои денги просто счастливы видеть плохого мальчишку, тыкающего миру кулаком под дым и плюющего и в бога, и в душу, и во все остальное. И вот Коу рычит в услужливо поданный микрофон: «У меня через три недели должен выйти новый альбом. Так они (кто «они» — неизвестно) сказали, что не выпустят, пока я не перестану ругаться на сцене. А я ил!» (в зале рев и свист). И потом узнал объяснение такой невероятной жестокости: за час до концерта Коу сообщил, что выпуск его альбома откладывается по чисто техническим причинам.

Когда Коу прибыл в Нашвилл, столицу «кантри-музыки», прямо за исправительного дома штата Огайо, его поджидали обычные ищеские разочарования среднего американского мечтателя о славе. Надо было привлечь к себе внимание. Первым делом он купил подержанный катафалк, на котором аршинными буквами нималевал свое имя. Катафалк припарковал у «Аудитории Рикмана» (тогда там помещалась «Гранд-Оул-Опри») ². Коу исправно платил штрафы за

¹ Мерл Хэттард, Джонни Кэш — известные исполнители «кантри-музыки». (Прим. ред.)

² «Гранд-Оул-Опри» — концертный зал, центр «кантри-музыки». Об этом жанре см. статью А. Переварова «Кантри: сельская музыка становится городской» в № 1 «Россики» за 1976 год.

¹ «Роллинг Стоунс» — американский журнал. (Прим. ред.)

то музыкальная общественность — метет, если не его, то каталож. Но Навиляев был свидетелем столичных актов отчаяния, что очередной голодный протестер в цирковых ковбойских полусаложах и дегазированной шляпе и даже с катальком его просто не интересовал. Брат Коу, Джек, вспоминает: «Дэвид начал ходить в места, где собираются всякие шизики, и мне кажется, он просто запугал их до того, что они согласились полагаться, как он поет. Похоже, он буквально понял выражение «преодолею все барьеры», потому что как-то раз действительно высадил дверь в студии грамзаписи. Этой студией была фирма «SSS», я ее менеджер Шелби Синглов, выпустивший первый альбом коуевских «торевских баллад», говорит теперь: «Я всегда допускал, что Дэвидовы истории — на 92 процента правые. Но они проходимые».

Ну, положим, Шелби недооценивал своего нового друга. Коу действительно записывал в девять лет в училище для «трудных детей из неблагополучных семей». Он действительно несколько раз побывал в заключении, действительно подпортил несколько физиономий. Но эти скринские успехи не удовлетворили его тоску по трагизму. Бедный Таниственный Брайлнговитов Навойб — жертва неудачно складывающейся судьбы и неизвестного общества... И вот он, облекаясь на немедленные в воображении ограбления (приписав себе заслуги достойного Брата Диего), за убийство не 17 лет просидит в тюрьме его не менее преступный отец.

«Первые Дэвид попал в тюрьму по ошибке, — вспоминал Диего. — Какой-то его приятель стащил в поезде палатку, ну, Дэвид собрался на свидание и попросил палатку — он же ничего не знал, откуда придется. А копы заметили...» Потом он попал на вождение автомобиля без лицензий. Потом еще какая-то дурацкая история...

Теперьшний Дэвид, важный, тяжеловатый и, в общем-то, изрядно потрепанный в свои 36, заявляет, что от девяти до 28 лет «ни разу не дышал воздухом свободы больше 60 дней вкаду» (это он говорит описывая у себя в автобиографии — я пришел брать интервью). Коу проясляет заведующую интуицию в разговоре: «У меня 385 татуировок — по одной на каждый чертвот день года. Мои календари! — прибавляет он хвастливо и смеется, как бы отреагируете. Поздравите? Потопите глаза? Один мерзавец в Хьюстоне предложил мне миллион зеленых, если я спою его дочке «Счастливого дня рождения». Я, конечно, отказался, а он начал приставать. Теперь он вопит, чтобы я оплатил ему лечение...» Коу хитро поглядывает на зрителя. — Страсть, как люблю пискать! Уже двоим оставил челюсть за свой счет». Журналист, начитанный о проделках Коу, неискренне смеется. Коу смеется искренне.

Я провел с ним несколько дней. Вот что скажу: хотя в это трудно поверить, да и Коу «сам пережрет глотку каждому, кто посмеет заикнуться об этом»

самый настоящий Брайлнговитов Навойб выглядит удивительно пристойно. Все слоны он скромный, даже востанчивый человек, непышный, не переносивший в своем автобусе куряльничков, охотно одажничавший деньж и трогательно играющий с самой маленькой дочуркой. Трудная, он сам водит автобус группы и даже таскает инструменты, вся жизнь его — в дороге, он дает по двадцать концертов в месяц. Коу Коу не работает под профессионального повода, он обнуаривает достойное чувство юмора, и его нежизнестойкое умение глава спокойно поглядывают на собеседника.

Но облака появляются на челе, подборок каменей, если кто-то в момент такой что разноточности смеет усомниться в том, что он убийца. «Мой адвокат, ребята, сказал, чтобы я не выдал деталей, а то мне, сами знаете, что грозит... Любимой мой расказ об убийстве будет выглядеть как признание. А на мой черт мне это надо. А? Я не собираюсь назад в тюрьму! Нежелание это не мешает ему, однако, сообщать со сцен, сколько мучительных часов провел он в ожидании смертного приговора, и лишь решение Верховного суда об отмене высшей меры спасло его.

И в этой истории концы с концами не сходятся. Коу говорит, что убил где-то в шестьдесят втором — шестьдесят третьем году, а решение Верховного суда было принято в 1976-м. Если ему вспоминать об этом, он говорит, что в штате Огайо смертная казнь была отменена раньше. Но нигде никакого упоминания об этом событии нет, как нет документов, удостоверяющих обвинение Коу в убийстве.

Коу очень хитро отвечает на прямые вопросы: «Известно, что далеко не все происходящее в нашей стране находит свое отражение в документах. Вспомните про Уотергейт, ребята. А я знаю, за пачку сигарет можно внести или выдрать из тюремных документов все, что угодно. Обычное дело — тюремщики нарушают законы и прикрываются. А потом, вы, праведники, вы ведь даже не представляете, что так на самом деле происходит! Вы и я — мы пришли сюда на равных мйров. Эта дурацкая телестудия в Далласе — ну, что за тринадцатом канале работает, — когда делала передачу обо мне, удивилась ведь, что я сидел в блоке «L» — а все знают, что это камера смертников. Там они, вот ямщики, заявили, что меня засадили туда неважно, просто за нарушение режима!» Коу прямо бесится, когда слышит, что помещали его туда потому, что в обычных камерах места не было, — «Глухие искинуции!». Потом он пытается свести разговор на другое: «Пыши о моей музыке, парень. В конце концов, я ею занимаюсь, я прежде всего музыкант. У меня старин родители, и им неприятно слышать о сине всякие гадости. — Дальше опять

я вас... — А я могу и в суд на вашего брата писак подать, и уж мои старки покажут тут пельца, которые я им из камеры смертников слал!» Потрясающе! Перед нами человек, устроивший подать в суд на того, кто посмеет усомниться в его репутации убийцы!

Ирония судьбы заключается в том, что теперь для карьеры Коу есть драматичный имидж, то есть образ, вовсе не так уж необходимым. Возможно, он нужен был ему вначале — чтобы хоть как-то выделиться. Но сейчас-то он уже законченный профессионал, мастер, одинаково хорошо исполняющий и старые баллады, и новейший кантри-рок. Он прекрасно играет на гитаре, пишет приятные стихи, да и вообще весьма спесичен — что уж ни за какие деньги не купится. Даже Брайен Джек говорит: «Я бы рад, чтоб Дэвид сменил свой имидж. Он уже вполне на уровне, и все эта тюремная трепотня ему ни к чему. Она свое отграла. Вы послушайте, как он имитирует великих — правда, здорово!» Коу действительно очень симпатичен, с какой-то мягкой усмешкой поет старые песни родоначальников «кантри». Уже одно это могло бы оставить ему славу...

Вобщем-то Коу для меня загадка. Я попытался покопаться в его детстве. Мать говорит, что до семи лет его няряжали в девчачьи палатки, да и всем поведением своим он был скорее похож на девочку. Потом, в училище, он тоже больше мечтал, чем узнавал. У него вообще была склонность путать воображаемое с действительным. И я пришел и заключаю: Коу действительно верит в то, что он убийца, для него это какое-то доказательство силы, признания его индивидуальности — момент, что и полубезумно, но исполните его нелепую фантазию. Безжалостная машина перемолотила его, и он — странно, но бывает, — нашёл утешение именно в своем тюремном прошлом (в слане Коу в гастролном автобусе висит фотография его в форме коуевской остринного, афиса и в профиле, с торевским номером. Под фотографией принолта букварь с текстом отрывка из Библии (назанные словами: «Размысливаете убийцу»).

Автобус прибыл в Пасадену. До концерта несколько минут, в небе блуждает доисторическая луна, толпа жадно жадно жадно своего героя. Коу выкидывает, врывается в кучу слабостных юншечек, увидев приятеля: «Слыши, ко мне опять прицепились на той неделе в НавиVILLE! Надоело, — жалобным голосом и искренне, — вот так, работашь, а газеты, конечно, за всякую чепуху цепляются, а про то, как плохо, — ни слова...»

Он на сцене — и куда девалась вся его мягкость и этот жалобный минуток назад голос. Он погон сарказма, мужества, груб. Он корит байдиктскую рожу в ответ на приветствие: «Вот явля и знаешь, войтенкуую пельца! «Ой, деревенщина, старый погнаец пельца! а кошельки! Прячьте под замок жиды и кошельки, и улупи вас божке ходить по темным улицам».

Перевела с английского О. СТРИЖЕНОВА

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯНЦ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), Б. А. ГОУАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОВЫШЕВ, Д. П. МОШИНЯ, Д. М. ПРОШУНОВА (ответственный секретарь), Б. А. СЕННИН

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление И. М. Равиткина
Технический редактор В. Н. Савельева

Адрес редакции: Москва, 103104, Спирidonьевский пер., 5.
Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Передача материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 18/XI 1976 г. Подл. и печ. 30/XI 1976 г.
A14691, Формат 60X90, Печ. л. 3 (ул. 3). Ул.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 2048.

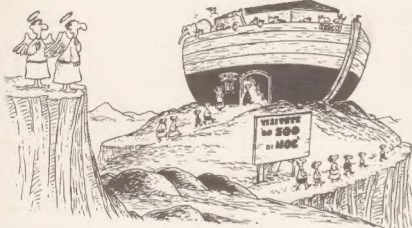
Типография имени Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Что-то долго нет черепахи... Может, нам не стоило посылать за ней улитку?

Без слов, или лишние твари на пароме жизни.

Оборотистый парень этот Ной: надо же, из новчегя устроил зоопарк!

Простите, но вы до сих пор придерживаетесь мнения, что коллега Ной — обыкновенный паникер?

Что за море такое — «Ин-фля-ци-онное»? Мы разве сюда плыли?

Не то чтобы на Западе о старике Ное когда-нибудь забывали: как, право, забудешь такого гениального футуролога — все предусмотрел, все продумал и всем необходимым запасся. Но кто мог подумать, что Ноею, герою библейских сказок, суждена такая новчег, блистательная карьера! Карьера современного героя, лихо выбирающегося из любых критических ситуаций.

«Еще не начался потоп, когда Ной начал строить новчег» — вот лозунг нынешней торговой рекламы. Реклама внушает каждому, что нужно вооружиться на собственный новчег. Карикатуристы — что и во время потопы, как, впрочем, и во время всяких других, увы, не библейских кризисов, омов остается единственным непотопляемым новчегом.

40 дней дождь! И это ты называешь прекрасным отдыхом на море!?